

С днем рождения!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ БАЙКИ БузовиКЪ

9_08

Выходит один раз в месяц

На первой странице выпуска - две замечательные композиции. Это песни, сочиненные и получившие популярность благодаря питомцам филологического факультета. Прошу извинения за пунктуацию песен - печатал их в почти безпримерных условиях...

И.П.

СЕМНАДЦАТЬ ЗАЧЕТОВ ВЕСНЫ

Ал.Липин

Не думай о зачете свысока,
наступит он, и ты поймешь, наверное, -
вся наша жизнь - забавная игра,
зачетная неделя - время скверное.

А дальше ведь экзамен - вот завал.
Его ответить - дело просто гиблое,
учитель строг - и ты опять не сдал,
Такого цирка Вы еще не видели.

Студенческие годы - время грез,
и равных нет им в жизни - дело верное,
но все же не обходится без слез,
простите, это просто что-то нервное..

К чему весь этот братцы, карнавал?
Достану лучше ножик я заточеный.
Не раз меня он в битвах выручал,
один удар - и дело сразу кончено!

(непонятно, что этим хотел сказать наш
импульсивный автор, - примечание
редакции)

ГИМН ФАКУЛЬТЕТА

Н.Н.Щербакова и К

Факультет неизменно живой,
иногда хоть несладко подчас,
но мы помним: Золя и Толстой
написали все это для нас.

Рядом с нами худграф и истфак
и психфак на одном корабле,
да, ребята они ничего,
но они не читали Рабле!

Филфак! Гомер и Апулей
(а это кто такие? - прим. редактора)
Филфак! Читать в сто раз быстрее.
Филфак! По золоту имен
глагол с системою времен!

О филфаке поем мы всегда,
никогда нам он не надоест,
и приветствует смело ясно
факультет самых лучших невест

(продолжение на странице 2)

“ФИЛОЛОГИ ШУТЯТ”

- А к нам вы как попали?
 В.П.:
 - Да мы сначала хотели в танковое училище поступать, а нас не приняли..
 - Почему?
 В.П.:
 - На сочинении завалили!
 А.Л.:
 - Эти преподаватели такие шалунишки!
 Вторая студентка:
 - А что вы умеете делать?
 А.Л.:
 - Буквально все! Поем песни, читаем стихи, пляшем, дудим на тромбоне. А у вас как с этим?
 Первая студентка:
 - Что вы, девчонки! У нас на филфаке все картавят, шепелявят, хрипят, гну- савят, пришепеляют..
 - Все, кроме него. (выводят С.Мусю). Он вообще говорить не умеет.
 В.П.:
 - Да что там говорить. Бог с ним. Давайте лучше в узком кругу поговорим о своем..

Что бы это значило?

Курс «Композиция» вводится в качестве обязатель- ной дисциплины для филологов-русистов (II курс) и тесно связан с курсами «Введение в литературу- ведение», «Стихovedение» и «Теория литературы». Курс состоит из лекций (24 часа) и практических за- нятий (8 часов). На практических занятиях студенты выполняют ряд контрольных заданий, позволяющих связать материал лекций с непосредственной исследовательской жизнью.

В этом выпуске

Список блоков
 Рассказы Семена Альтова
 Из наблюдений Ани Самосудовой
 История от профессора Бельдяна
 Занимательный кроссворд
 Эрл Стенли Гарднер!

В приложении к этому выпуску

ОСНОВЫ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ В РОМАНЕ
 ВЛАДИМИРА НАБЕКОВА
 * СЮЖЕТ И ПРОСТРАНСТВО - ВРЕМЯ
 СЮЖЕТ И ДЕТАЛЬ
 ОБРАЗ ГЕРОЯ
 РАЗВИТИЕ РОМАННОГО ДЕЙСТВИЯ

ГИМН Продолжение

Им терпения не занимать,
 организм к перегрузкам привык -
 даже ночью не хочется спать -
 продолжается русский язык.

Филфак! Ум видно за версту,
 филфак! Не скроешь красоту,
 филфак! Гармония во всем,
 филфаку гимны мы поем.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

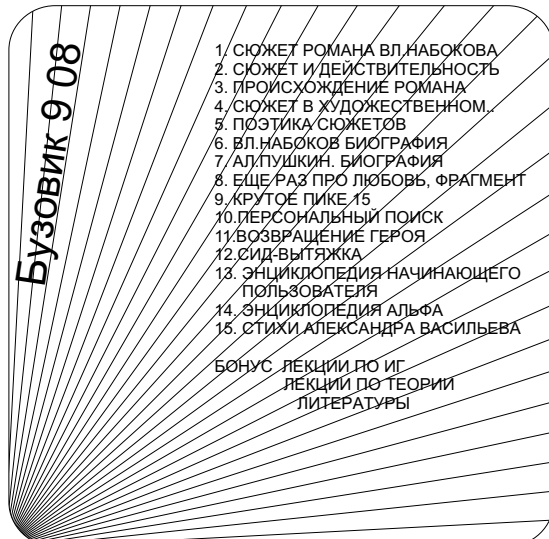
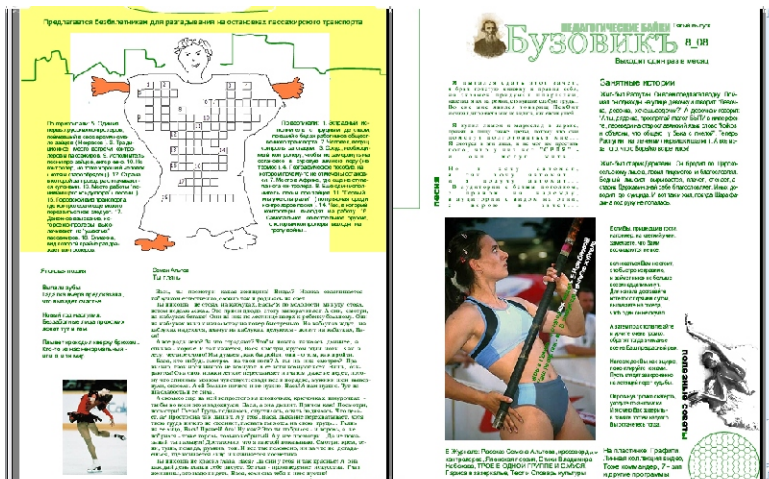
Историч. грамматика р. языка - наука о развитии фонетической, морфологичес- кой, лексической и синтаксической сис- тем р.я. по их внутренним законам (т.е. история р.я.).

Итак, мы будем изучать историю русс- кого языка в развитии (!), его внутрен- ние тенденции (!!), язык как живой, во всей совокупности его диалектов (!!!).

СПИСОК ПРЕДВЫБОРНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЛОКОВ

1. Монстры отечественной филологии - за со- цияльный прогресс (Мыльникова - Санина - Астафьева)
2. “Наш дом - первая линия” (Наполеон - Менделеев - Буцефал)
3. “Болдырев - Явлинский - Лукин”
4. Блок “За Киевщину!” (Кий - Хорив и сестра их Лыбедь)
5. Блок “Выродки России” (Крепыш пупырчатый - верхо- гляд восьмихвостый)
6. Блок “Назад, Россия!” (партия раков России)
7. Партия любителей кайфа (Соку Асахара и Ко)
8. Тропическая партия России (партия зрителей “Тропи- канки”)
9. Блок обманутых зайцев “Лови деда Мазая!”
10. Блок “МОЕ” (партия эгоистов)
11. Партия ошибавшихся саперов.
12. “За мной, Россия!” (Иван Сусанин и поляки)
13. Блок “У Эрнста на куличках” (партия язычников и заднеязычных).
14. Чукотское движение “ШИШ с маслом”
15. Блок “ТТ” (тыгыдым - тыгыдым..)
16. Блок “Не верю!” (Станиславский - Немирович-Данчен- ко - Фома).

архив журнала 8 08

Бузовикъ 9_08 (61)

журнал выпускников филологического факультета ОмГПУ, основан 19 мая 1995 года в аудитории 217.

Выпускается с приложением - пластинкой, бесплатный. редактор - И.Петраков, оригинальное название - Ал.Липин.

план выпуска - 26 сентября 08, 17.00, фактически -

Слово редактора

Итак, осень, осень.. Вспоминаются безсравненные стихотворения Александра Пушкина, Федора Тютчева и даже Афанасия Фета. Не случайно в этом выпуске можно увидеть большой урожай, составленный из всяких исследований по русской литературе, среди которых выделяются "Основы сюжетосложения в романе Владимира Набокова". Также можно послушать песни молодых отечественных солистов, и воспользоваться подборкой бесплатных приложений (см. на этой странице).

Кроме того, в этом выпуске - две энциклопедии, стихи, лекции по исторической грамматике и основам теории литературы, коллекция игрушек, афоризмы Путина и "Еще раз про любовь"!

И.П.

СОДЕРЖАНИЕ

Ал.Липин. Семнадцать зачетов весны

1

Список предвыборных блоков

2

Семен Альтов.

Рассказы

Сионыч

" Стихи Олега Митяева

4

Стихи Олега Митяева

5

В.Руднев.

Словарь культуры

7

Ю.Тынянов О сюжете

8

Литературная личность В.Набокова

9

Вл.Набоков.

Тяжелый дым.

12

Эрл Стенли Гарднер

Мрачная девушка

18

"Закон Мерфи"

22

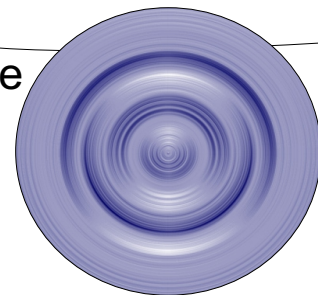
Подготовка содержания для пластинки завершена 24 сентября две тысячи восьмого года. Приложение к журналу - пластинка - не предназначена для отдельного распространения.

редакция "Бузовика" - т. 8 - 960 - 991222 - 10. С 17 до 19! Вниманию взрослых авторов! Рукописи присылайте в разборчивым почерком!

Download tetris fla (83k)

Guestbook

На пластинке сентябрь 08

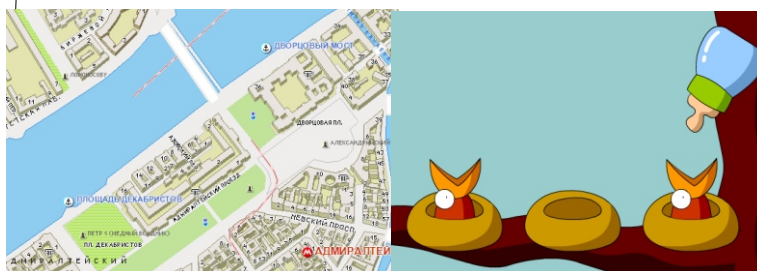
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ю.Тынянов. Поэтика
Веселовский. Поэтика сюжетов
Добин. Сюжет и действительность
В.Кожин. Происхождение романа

ИЗ АРХИВА

БУЗИНЕС ВИК 2
БУЗОВИКЪ 8_08
ЛЕКЦИИ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕКЦИИ ПО ИГ
СТИХИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВА
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАЧИНАЮЩЕГО

- 10. Яндекс, персональный поиск
- 11. Сис- спектр
- 12. XP - сис
- 13. Карта города, образцовая программа
- 14. Навигатор - 2
- 15. Коллекция игрушек

Левитан, Цилевич.
Сюжет.
Афоризмы Путина

ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ЭВМ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
АЛЬФА

(Агу-агу, Бисквит, Владивосток, Возвращение героя, Вперед, бристоольский котик! и другие)

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

АЛЕКСАНДР ПУШКИН,
БИОГРАФИЯ
ВЛАДИМИР НАБОКОВ,
БИОГРАФИЯ
РОМАН Ф.ДОСТОЕВСКОГО
РОМАН В.НАБОКОВА
ОСНОВЫ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ В РОМАНЕ ВЛ.НАБОКОВА

Программы

- 1. 7 - зип
- 2. Аудио - вытяжка
- 3. Сид - вытяжка
- 4. Эссе-дик - вытяжка
- 5. Записная книжка
- 6. Коллекция видео
- 7. Валлпапер
- 8. Субтитры (программы)
- 9. Фолдер - зиц

а также

КАЛЕНДАРЬ САДОВОДА
КРУТОЕ ПИКЕ, 15 серия
ПЯТЬ ПЕСЕН ("ФАБРИКА ЗВЕЗД")
АФИША
ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ (фрагмент)

Pulp Fiction (1994)		
Front Cover	Actor	
	John Travolta	Vincent Vega
	Samuel L. Jackson	Jules Winnfield
	Uma Thurman	Mia Wallace
	Harvey Keitel	Winston Wolf
	Tim Roth	Pumpkin (Ring)
	Amanda Plummer	Honey Bunny
	Maria de Medeiros	Fabiienne
	Ving Rhames	Marsellus Wallace
3		

Сионьч

Мы не даунята,
мы не "голубые",
мы всего лишь песенку споем.
Мы лишь патриоты,
мы живем в России,
это есть наш общий русский дом.

А в подвале дома
жил агент Сиона,
был он знаменитый русофоб.
Не читал он книжек,
растлевал детишек,
и мечтал загнать Россию в..

Был он очень гадким,
нехорошим дядей,
в гардеробе воровал пальто,
был карманным вором,
пакостным шпионом,
динамит подкладывал в метро.

Но однажды рано
утром тараканов
в доме "дихлофосом" он морил, -
брызнул в таракана
со спины коварно,
и не знал, что тот соратник был..

Таракан, волнуясь,
приползал в Единство,
адрес показал, где враг живет,
а потом внезапно
в приступе забился
и погиб как русский патриот!

И тогда все наши
взяли патронташи
и к врагу вломились невзначай.
"Оскорбил ты быстро
Русское Единство,
а теперь за это получай!"

.. крики, вопли, стоны
слышались у дома,
но никто на помощь не спешил,
и погиб Сионьч,
потому что каждый
русским солидарность проявил!

Слушайте, девчонки,
слушайте, мальчишки,
слушайте, сотрудники М.Б.!
Так же будет с каждым,
кто плохое скажет
о лихих ребятах с Р.Н.Е!

Рассказы

Багратион

Началось это той проклятой осенью, когда я покупал помидоры. Продавец швырял в миску гнилые, я мигом выбрасывал, на красные менял он красные менял на гнилые, и в такой азарт вошли, что он начал швырять красные, а я сдуру менял на гнилые! И тут очередь сзади взвыла: "Если первые выбирать начнут, последним только на расстройство желудка останется. За красный обязан гнилой съесть, не подавишься, не Рокфеллер!!"

То ли оттого, что Рокфеллером обозвали, то ли от запаха гнили - организм затрясло. И слышу крик свой сумасшедший: "Перекусаю всех в порядке очереди! Почему за свои деньги гнилью питаться должен?!" И помидорами как зафугачу в очередь! Думад, все, убьют! Нет. Молчат, облизываются, сок томатный с лица убирают. Поняли: раз человек один против очереди пошел - сдурил. С ним лучше не связываться.

Я теперь больше часу в очереди не жду. Час - все!
Зашел тут в пельменную. Вижу, очередь в кассу на месте марширует. Оказывается, кассирша пельмени за кассой лопает. Кто-то интеллигентно так ее спрашивает: "Простите, вы в другое время пообедать не можете?" Кассирша отвечает сквозь пельмену: "А ты?!" И вся очередь хором считает, как при запуске ракеты, сколько ей осталось: "Три, две, одна! Наелась!"

Наконец выбил я пельмени, к повару с подносом подхожу, говорю: "Приятного аппетита! Позвольте пару пельменей, горчица с собой. Кушать хочется... Больше так не буду!"

Повар отвечает: "Пельмени кончились только что. А мясо в них - еще утром". А у самого фигура такая - глупо спрашивать, где мясо из пельменей. И тут, не знаю отчего - то ли пельмени в голову ударили, то ли... Словом, хватаю повара за грудь, горчицей намазываю, кричу: "Укусом полью, съем с потрохами!" Через минуту ел то, что в жизни не кушал, а повар каждый день.

Но знаете что странно? Когда ты с ними по-нормальному, с тобой - как с идиотом. Как только идиотом прикинулся - все нормально!

Мне тут сосед, дядя Петя, говорит: "Я во время войны города приступом брал. А тут бумажку подписать - тоже приступ, но сердечный. Подпиши, Барклай, будь человеком. Ты все теперь можешь".

Ну, Барклай, потому что, когда зимой паровое отключили, я добился, чтобы мне, как участнику Бородинского сражения, включили. Пришлось Барклаем де Толли прикинуться. А вообще-то меня Толей зовут. Толя, и все. Я им писал, звонил, ждал. Ничего.

Но когда я в жэк на табуретке ворвался: "Шашки наголо! Первая батарея к бою! Даешь паровое!" Они сразу: "Все дадим! Успокойтесь, товарищ Багратион! Но скажите Кутузову, чтобы больше не присылали!"

И я подумал: что будет, если все чуть что на табуреты с шашками повскакивают? Это уже не Бородинское сражение - Ледовое побоище начнется.

К тому же выходить из себя все легче и легче, а вот обратно в себя - все трудней. Тут как-то из себя вышел - вернулся, все от меня ушли. Жена, рыбки из аквариума.

Если вдруг кого-то из них увидите, передайте: я таблетки принимать начал и снова тихий-тихий. Вчера помидоры купил - одна гниль, а я съел и ни звука.

Не люди, что ли?

Построили - отсюда будет остановки три - дом. Кирпичный, двенадцатиэтажный, лоджии, лифт, скворечник на крыше - все удобства! К назначенному времени новоселы подъехали с узлами, мебелью, детишками. Ключами брякают, ждут, когда строители с последним мусором из подъезда выметутся.

И тут какой-то пацан как завопит: "Мама! Этажей-то одиннадцать!" Как - одиннадцать? Двенадцать должен быть! Считать не умеешь, второгодник! Посчитали - одиннадцать! Как получилось? Кто обсчитался? Тыфу ты!

Дом-то, будь он неладен, кооперативный оказался. Председатель кооператива жильцам популярно объясняет: "Граждане, фактическое недоразумение. Маленькая недосдача. Ну не хватает одного этажа". Квартиросъемщики в крик: "Чьего именно этажа нету?" А черт его знает! Нижние жильцы орут: "Ребенку понятно, двенадцатого не хватает. На одиннадцатом все кончается". Верхние в обратную сторону глотки рвут: мол, двенадцатый как раз на месте, на нем крыша держится, бестолковые люди! А первый в запарке пропустили, прямо со второго начали. Словом, крик, гам, потому что жить всем хочется.

Олег Митяев

На перроне разлук

На перроне разлук - желтизна,
пахнет осенью и пирожками,
я на лавке сижу допоздна,
как жираф на холсте Пиросмани,

наблюдаю отход поездов,
а затем - возвращение,
и ни год, ни число
не имеют значенья.

Я и город давно позабыл,
и страну, и название вокзала,
я сто раз про себя повторил
все, что ты так легко мне сказала.

И сижу в перемене светил,
по гудкам, как по знаку,
словно кто приручил,
будто Павлов - собаку.

Питер

Я надену свитер, связанный тобой,
и поеду в Питер поездом - стрелой,
и на парапете сяду, замирев,
словно бы старинный лев.

Смотреть на медленно
народ гуляющий
из дымки тающей -
вот весь мой план,
как джин, немедленно
все выполняющий,
как будто в облаке, тая туман.

Чтоб не ожидали где-нибудь меня
ни к какому сроку никакого дня,
напишу записку, что к восьми приду,
но не укажу, в каком году.

И вместе с птицами
с залива Финского
усядусь в облаке я на Неве,
читать с записками
восхода мглистого,
и впрямь, на острове, махать тебе.

Кто-то предложил: "Одиннадцать этажей, слава богу, есть, как-нибудь поместимся, не бароны". И с возгласами "ура" жильцы на штурм бросились.

Вы не поверите - поместились! То есть, народ по ордерам на двенадцать этажей в одиннадцать втиснулся, и без крови, а с пониманием. Не люди, что ли? Никто ж не виноват, что накладку случилась. К тому же площади открылись необитаемые. Подвал побелили, поклеили - та же квартира отдельная. Правда, ходить согнувшись приходится. Так и на этажах от радости высоко не подпрыгнешь. Спустили в подвал - по их просьбе - всех с новорожденными. Внизу горячей воды хоть залейся, а на верхние этажи по-разному доходит. Так что купай дите, стирай с утра до вечера. К тому же детишки в подвале кричать перестали. Нет, может, они и кричат, но сосы так гудят - ничего не слышно!

Пара добровольцев-моржей объявилась. Сказали: "Мы в проруби свободное время проводим - пошлите нас на крышу". А на крыше у них просто гнездышко получилось. Летом вообще рай! В квартирах жара, мухи, а у них ветерок, аисты из рук кушают. Не только из рук - все поклевали. Ручная птица, куда от нее денешься? Зимой, оно, конечно, прохладней, даже когда листовым железом укроешься. Зато ни в одной эпидемии не участвовали. На этажах грипп, температура под сорок, а у них всегда нормальная. Плюс десять в тени под мышкой. Организовали на крыше группу здоровья. Детей с детства приучали босыми по снегу, внезапное обливание ледяной водой - такие орлы вымахали, ничего не страшно, в любом доме жить смогут!

Ну, тут разные разговоры пошли, мол, одни в подвале ютятся, а другие себе весь чердак отхватили, кур разводят, тараканы бега... А остальные не люди, что ли?! И придумали, что не будет в доме как бы одного блуждающего этажа. То есть в январе не будет как бы первого, в феврале - как бы второго, и так далее. А в июле всем домом в отпуск. На год очень удобный график получился, очень. А кто, значит, в таком-то месяце оказался безэтажный, - пожалуйста, заходи в любую квартиру, живи себе. Это все рыжий жилец придумал, с третьего этажа. Если вверх подниматься. А если сверху спускаться, то, он значит... с четвертого? Ну неважно! Важно то, что каждый месяц жильцы как бы обмен совершали, вверх-вниз по дому ездили. Так что претензий ни к кому никаких.

Опять-таки лифт. Пропадала площадь? Пропадала. А там, если кто в лифте был, знает: светло, тепло, зеркало висит. Что еще надо, когда люди любят друг друга?

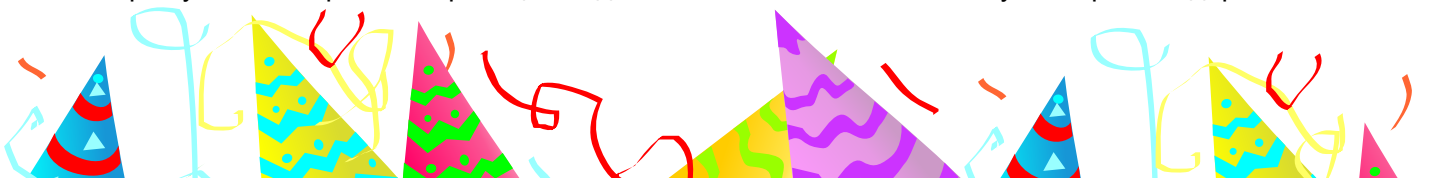
Одна женщина в лифт вошла - ах! Целуются! Она в крик: "Прекратите хулиганить! Дома не можете?" Они ей отвечают: "Вы, наверно, не местная, в гости к кому-то пришли? Дома не можем. У нас там живут Никитины до марта месяца. А мы только поженились, еще целоваться хочется. Вот правление и выделило на медовый месяц отдельную жилплощадь. А вам нехорошо! Что вы к посторонним людям в лифт без стука врываетесь?" И написали на лифте: "Васильевым стучать три раза!" Здорово устроились, правда? Свадебное путешествие: лифт вверх-вниз! А молодым что еще надо? Ну и, конечно, мальчик у них родился. Крупный. Четыре пятьсот! Лифтером назвали. В честь мастера по ремонту лифтов, он к ним заглядывал.

Опять же воспитательная работа наладилась. Слесарь один жил - попивал, жену побивал. В нормальных условиях бил бы ее до последней капли крови, так ведь? А в этом доме жену его в пятьдесят вторую переселили, к врачу. А к нему на пятнадцать суток вселили одну милую женщину, ядрометальницу. Он по привычке замахнулся - ну, она и метнула его. Где он приземлился, неизвестно. Через три дня вернулся - другой человек: в жене души не чаёт, пить бросил, только заикается вежливо.

Официантка одинокая, можно сказать, счастье свое нашла. Ну, принесет в дом с работы остатки, а есть-то самой надо. А одной все не съесть. Продукты выбрасывала, тосковала. А к ней как-то сосед с собачкой на запах зашел. Уже есть веселей! Другой на звон ножей, вилки забрел, тот, что на заводе шампанских вин работает. Ясно, зашел не с пустыми руками. И потянулся народ, кто с чем. А все где-то работают. Кто с конфетами, кто с лекарствами, кто шпингалеты на окна тащит, кто бенгальские огни! И когда вместе сложились - праздник вышел. И все тихо, мирно, потому что и милиционер где-то свой проживает. Никого вызывать не надо. Словом, хочешь не хочешь - одной семьей зажили. Все общее стало: и радость и горе. А когда все поровну, то на каждого горя приходится меньше, а радости больше.

Уважаемые читатели!

В том случае, если Вы готовы предоставить в распоряжение редакции выпуски "Бузовика" за одна тысяча девятьсот девяносто пятый - девяносто девятый годы, мы будем Вам весьма благодарны. Редакционный телефон указан на третьей странице. За два и большее количество выпусков приз - подарок!

Про Ларису Репях

- Скажите, Тамара Валентиновна, - спрашивает Лариса на консультации по "С.р.ля", - на экзамене никогда не происходило ничего необычного?
- Дай-ка, вспомню.. Как же, лет тридцать тому назад одна студентка в белой шапочке умудрилась сдать мне его на "пять"!

История от профессора Бельдяна

"Шел я как-то по набережной Иртыша.. Вижу, молодой человек объясняется сидящей на скамейке девушке в любви. Происходило это примерно так: "Да я тебя ... Чтобы мне .... ту-ды в качель ... ..!"

Из наблюдений Ани Самосудовой

"Шведские филологи доказали, что в Эдеме Адам и Ева говорили на датском. Бог - на шведском, а змей - на французском".

Из архива журнала

- Ребята, давайте жить дружно, давайте говорить друг другу комплименты. Возлюбим ближнего своего! Нет, не этого... Спешите делать добро!

О.Усаков:

- А я вот думаю...

- Заткнись, идиот, я свою мечту рассказываю.

Алексей Липин возвращается после серьезного разговора в деканате тридцатого декабря.

- Алексей, у тебя сзади кто-то прицепил табличку "Пни меня".

- Ну да?

- Так сними ее.

- Не могу. Она прикрывает рану...

- Давайте поставим пьесу Шекспира "Гамлет".

О.Усаков:

- Да, это гениальная пьеса. Но написал ее не Шекспир, а я. Немногие это знают.

- А я песню написал про то, как мы "Современный русский литературный язык" сдавали.

- Какую? Где?

- А вот она -

А студенты - дубы
что-то шепчут в тумане,
у поганых болот
чьи-то тени встают...

Слушай меня

Солнце мое, слей вермишель, выключи уют и слушай меня. У тебя путевка в Венгрию. Ты обязана отдохнуть там во что бы то ни стало.

Перестань резать лук - ненавижу женские слезы! Слушай меня. Никто тут без тебя не пропадет. Что я, лук не нарежу? Только напиши в завещании, из чего варить манную кашу. И зашей Кольке штаны. Дырка уже больше штанов. И все! Отдыхай там с чистой совестью. Ничего не привози. Не смей ходить по магазинам.

Слушай меня. Непременно сходи в казино. Там должно быть. Зайди, поставь все на красное. И проиграй. Я не сошел с ума - проиграй! Во-первых, не будешь мучиться, на что деньги потратить, во-вторых, пусть они видят, что для тебя просадить три сотни - тьфу! Пусти им пыль в глаза за всех нас.

..Да пропылесосу я, пропылесосу!

Закажи завтрак в номер. Как приедешь, хоть ночью, - завтрак в номер немедленно. И кофе в постель! Не в лифт на бегу, а кофе именно в постель. Это другой напиток. Отмокай в кофе в постели.

...Я не знаю, откуда это пятно. После химчистки, наверно.

Нет, не надо везти мне галстук. А я говорю, не надо! Одно "надо" всегда тянет за собой другое "надо". К хорошему галстуку надо хороший костюм, к костюму - машина, а в машине надо ехать с другой женщиной. Зачем эти сложности?

Слушай меня. Там международный курорт: немцы, итальянцы, возможны французы. Эти знают в женщинах толк. Всех на лопатки положишь. И запомни, заруби на носу: у тебя потрясающая фигура! Да, и здесь тоже. Слушай меня. Или ты думаешь, если я десять лет тебе мужем, то все атрофировалось? Я как представляю - ты мне не жена - от зависти волосы готов рвать.

Главный удар наносим на пляже. Нет, в этом купальнике нельзя. Это две старые авоськи. Вернее, три. Купальник купишь там - и везде только в нем. Нам с тобой скрывать нечего! В смысле есть что, но не будем скрывать. Наоборот! Слушай меня. Купишь мини-купальник. Он и дешевле. Прикроешь минимум, а максимум пусть видят все. Это красиво, дурочка ты! Стесняешься того, чем надо гордиться. Были бы у меня такие пропорции, я бы давно жил не с тобой и не здесь.

Морщинки на лбу поверни на девяносто градусов. У тебя продольные от безысходности, а надо поперек, будто ты капризуля. Дай разворот плеч. Красивое тело твое - это пропаганда наших достижений. Телом закроешь наши отдельные недостатки. Твое время сейчас. Ты должна слепить глаза, кружить голову. Пусть представители разных национальностей из-за тебя бросаются вниз головой. Им будет что вспомнить.

Какое еще белье купить? Зачем? Нижнее белье никто видеть не должен. Поэтому наше белье самое нижнее в мире.

И гуляй... Я тебе разрешаю все! Вплоть до. До, а не после! Пофлиртуй от души. Взгляд, намек, дай коснуться руки - для флирта достаточно. Не наш флирт в доме отдыха, где выбора нет: слева домино, справа кино, сзади лектор, и, кто за руку первый схватил, тот и твой! Флирт - это процесс, а не результат.

Опять за свое! Да, к этим тужуркам надо бы новое платье. Надо бы. Ну купи одно платье на двоих, скинься с товарищем. Для ансамбля и сумочку? Почему мужчины все для себя, а женщины для целого ансамбля? Девочкам на работу сувенирчиков, а то не простят? Верно. Кольке зимой не в чем ходить? Одну зиму не ходит. Ну черт с ним, купи! Верочке попробуй не привези, сожрет.

Ты уже и список составила? Ого! Ого! А есть ты там собираешься? Поешь поплотнее здесь. А что остается для удовольствий, что? Вот эти гроши?! Эх, ты...

Но когда вернешься, тебе все равно будут завидовать, как курочки перелетным птицам. В конце концов, важно, как ты выглядишь здесь, а не там. Ни в чем себе не отказывай, а вернешься домой - отдохнешь.

На пластинке

Имя и фамилия Екатерины Верховцевой во многом определяют характер героини. «Екатерина» из греч. Αικατερίνη «всегда чистая». В первое свое знакомство с ней Дмитрий Карамазов отметил ее «добродетельность», «благородство», «русскую тишину» нрава, однако такое проявление чистоты души героини заменяется в ней «надрывом», о чем свидетельствуют обрывистые экспрессивные реплики героини. Ее имя неоднократно определяется в романе прилагательным «гордая». В этой связи имя героини предстает в романе как некая смысловая синкрета, где равносильными оказываются оппозиты кротость (чистота) и гордость, самолюбие (любование своей чистотой).

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОЛЬГИ БОНДАРЕВСКОЙ

Поэзия и проза - разные искусства.

Если поэзию действительно можно назвать искусством слова, то проза скорее - это искусство предложения (подробнее об этом см. философия вымысла). Слово более гибко, поэтому философия слова на протяжении века изменялась много раз: своя концепция слова была у символизма, своя - у акмеизма, конструктивизма, обэриутов, концептуализма. Философия предложения фундаментально изменилась в XX в. только один раз - при переходе от логического позитивизма к зрелой аналитической философии - подробнее см. логическая семантика. (Художественная проза ближе философии, потому что у них один инструмент, одно орудие - предложение.) Поэтому можно говорить о единых П. п. XX в.

Но прежде мы должны сказать, что, говоря о прозе, мы имеем в виду Прозу с большой буквы, новаторскую прозу модернизма, то есть Джон Голсуорси, Теодор Драйзер или, скажем, Анри Барбюс не будут объектами нашего рассмотрения и на них П. п. XX в. будут распространяться в очень малой степени. Это так называемые реалистические писатели (см. реализм), которые ничего или почти ничего не сделали для обновления художественного языка прозы XX в., то есть как раз тех П. п. XX в., о которых мы будем говорить в этом очерке.

Мы прежде всего рассмотрим произведения таких писателей, как Джеймс Джойс, Марсель Пруст, Федор Сологуб, Андрей Белый, Роберт Музиль, Густав Майринк, Франц Кафка, Томас Манн, Герман Гессе, Альбер Камю, Уильям Фолкнер, Михаил Булгаков, Джон Фаулз, Акутагава Рюноске, Хорхе Луис Борхес, Владимир Набоков Хулио Кортасар, Габриэль Гарсиа Маркес, Ален РобГрийе, Макс Фри, Саша Соколов, Владимир Сорокин, Дмитрий Галковский, Милорад Павич. (Разумеется, у каждого может быть свой список гениев, мы оговорили "субъективизм" этой книги в предисловии к ней.)

Мы выделяем десять П. п. XX в.:

1. Неомифологизм (см. также неомифологическое сознание, миф). По сути, это главный П.п. XX в., который в той или иной степени определяет все остальные. Поскольку он подробно описан в статье неомифологическое сознание, здесь мы охарактеризуем его предельно кратко. Это прежде всего ориентация на архаическую, классическую и бытовую мифологию; циклическая модель времени; мифологический бриколаж - произведение строится как коллаж цитат и реминисценций из других произведений (в той или иной мере это характерно для всех произведений указанных авторов).

2. Иллюзия/реальность. Для текстов европейского модернизма XX в. чрезвычайно характерна игра на границе между вымыслом и реальностью. Это происходит из-за семиотизации и мифологизации реальности. Если архаический миф не знал противопоставления реальности тексту, то XX в. всячески обыгрывает эту неопределенность. Например, в романе Макса Фриша "Назову себя Гантенбайн", герой все время представляет себя то одним персонажем, то другим, попеременно живя придуманной им самим жизнью в разных "возможных мирах" (см. семантика возможных миров); в "Процессе" и "Замке" Кафки чрезвычайно тонко передано ощущение нереальности, фантастичности происходящего, в то время как все происходящее описывается нарочито обыденным языком; в романе Майринка "Голем" (см. экспрессионизм) сновидения, воспоминания и мечты героя беспорядочно переплетаются. В "Мастере и Маргарите" "реальность" московских событий менее реальна, чем почти документальный рассказ, опирающийся на свидетельства (ср. событие) о допросе и казни Иешуа, и в то же время этот рассказ не что иное, как очередная иллюзия - роман Мастера. В "Докторе Фаустусе", написанном в квазиреалистической манере, все время остается непонятным, какую природу имеет договор Леверкюна с ..., чисто ли клиническую (см. психоз) или реальность на самом деле включает в себя фантастический элемент. (Такое положение вещей впервые представлено в "Пиковой даме" Пушкина, одного из несомненных предшественников П. п. XX в., - непонятно, Германн сошел с ума уже в середине повествования или действительно призрак графини сообщает ему три карты. Позже Достоевский, второй предтеча П. п. XX в. устами Свидригайлова связал появление нечистой силы с психическим расстройством - нечистая сила существует реально, но является расстроенному рассудку как наиболее подходящему "сосуду".) В романе Дж. Фаулза "Волхв" реальность и иллюзия меняются каждую минуту по воле антагониста главного героя - это уже переход от трагического модернистского переживания этой амбивалентности к ее игровому постмодернистскому переживанию.

3. Текст в тексте. Этот П. п. XX в. производное предыдущего: бинарная оппозиция "реальность/ текст" сменяется иерархией текстов в тексте. Это рассказ Цейтблома как реальное содержание "Доктора Фаустуса"; на тексте в тексте построена вся композиция "Мастера и Маргариты", "Игры в бисер", "Школы для дураков", "Бледного огня", "Безконечного тупика". Разберем два последних случая, т.к. они связаны не только типологически, но и генетически. "Бледный огонь" представляет собой "публикацию" поэмы только что убитого поэта Шейды, и дальнейший текст - филологический комментарий к этой поэме, причем по мере комментирования раскрываются тайны комментатора и его отношений с главным героем, поэтом Шейдом. "Бесконечный тупик" построен сложнее - это тоже комментарий к произведению "Безконечный тупик", но это целое дерево, лабиринт комментариев. К тому же в роман включены воображаемые рецензии на него.

4. Приоритет стиля над сюжетом. Для настоящего шедевра прозы XX в. важнее не то, что рассказать, а то, как рассказать. Нейтральный стиль - это удел массовой, или "реалистической", литературы". Стиль становится важной движущей силой романа и постепенно смыкается с сюжетом. Это уже видно в двух классических текстах модернизма - в "Улиссе" Джойса и "В поисках утраченного времени" Пруста. Пересказывать сюжет этих произведений не только трудно, но и бессмысленно. Зато стилистические особенности начинают самодовлетель и вытеснять собственно содержание. То же самое можно сказать о "Шуме и ярости" Фолкнера, "Петербурге" Белого, обо всем творчестве Борхеса. Условно говоря, литературу модернизма XX в. можно разделить на тексты потока сознания (куда войдут Пруст, Джойс, отчасти Фолкнер и Андрей Белый) и "неоклассицизм" (термин взят из музыкальной терминологии XX в.), то есть когда выбирается один или несколько стилей, пародирующих в широком смысле стили прошлого. Так, стиль "Доктора Фаустуса" пародирует одновременно дневник простодушного человека и стиль жития святого. Гессе в "Игре в бисер" поступает точно так же.

5. Уничтожение фабулы. Говоря о прозе XX в., нельзя сказать, как это было возможно применительно к прозе XIX в., что сюжет и фабула различаются, что, например, здесь действие забегает вперед, а здесь рассказывается предыстория героя. Нельзя восстановить истинной хронологической последовательности событий, потому что, во-первых, здесь неклассическое, нелинейное и неоднородное понимание времени (см.), а во-вторых, релятивистское понимание истины, то есть представление о явном отсутствии одной для всех истины. На этом построены и "Мастер и Маргарита", и весь Набоков, и весь Борхес, и "Школа для дураков", и "Бесконечный тупик". Если только роман пародирует классический стиль, то тогда создается иллюзия разделения фабулы и сюжета, как это сделано, например, в "Докторе Фаустусе".

6. Синтаксис, а не лексика. Обновление языка в модернистской прозе происходит прежде всего за счет обновления и работы над синтаксическими конструкциями; не над словом, а над предложением. Это стиль потока сознания, который одновременно является и усложнением, и обеднением синтаксиса; это нарочито витиеватый синтаксис "Игры в бисер", "Доктора Фаустуса", "Бледного огня". Во французском "новом романе" происходит разрушение синтаксиса, что довершает

концептуализм (в русской литературе это прежде всего творчество Владимира Сорокина).

7. Прагматика, а не семантика. Здесь мы имеем в виду, что фундаментальная новизна литературы XX в. была также и в том, что она не только работала над художественной формой, была не чистым формальным экспериментаторством, а чрезвычайно активно вовлекалась в спор с читателем, моделировала позицию читателя и создавала позицию рассказчика, который учитывал позицию читателя. В большой степени мастером художественной прагматики был Марсель Пруст. Его романы автобиографически окрашены, но одновременно между реальным писателем Марселем Прустом и героем его романов Марселем существует большой зазор: именно этот зазор и составляет художественную прагматическую изюминку романов Пруста. Большим мастером игры на внешней прагматике читателя и внутренней прагматике рассказчика был Томас Манн. Особенно явно это проявилось в романе "Доктор Фаустус". Основным рассказчиком там является Серенус Цейтблом, друг композитора Леверкюна, однако в некоторых, как правило самых важных случаях, рассказчиком становится сам Леверкюн, когда дословно передается содержание его писем Цейтблому. При этом принципиально важно, что Цейтблом пишет свой рассказ об уже умершем друге, сидя в Мюнхене в преддверии окончания мировой войны, надвигающейся на Германию катастрофы падения государственности, что создает двойную прагматическую композицию и высвечивает то, что происходит в основном повествовании. Иерархию рассказчиков мы всегда находим у Борхеса. Чрезвычайно прагматически сложно строится повествование в "Школе для дураков", герой страдает раздвоением личности и постоянно спорит со своим вторым Я и при этом не всегда понятно, в какой момент кому из них принадлежит тот или иной фрагмент речи. Чрезвычайно важную роль играет рассказчик в "Бледном огне" Набокова и "Безконечном тупике" Галковского.

8. Наблюдатель. Роль наблюдателя опосредована ролью рассказчика. В XX в. философия наблюдателя играет большую роль - см. соотношение неопределенностей, интимизация, серийное мышление, время, событие. Смысл фигуры наблюдателя-рассказчика в том, что именно на его совести правдивость того, о чем он рассказывает (ср. разбор рассказа Агутагавы "В чаше" в статье событие).

9. Нарушение принципов связности текста. Эти принципы сформулировала лингвистика текста. В модернистской прозе они нарушаются: предложения не всегда логически следуют одно из другого, синтаксические структуры разрушаются. Наиболее это характерно для стиля потока сознания, то есть для Джойса, Пруста, отчасти Фолкнера (в первую очередь для "Шума и ярости", где воспроизведены особенности речи неполноценного существа), для французского нового романа, например текстов А. Роб-Грийе, для концептуализма В. Сорокина, где в некоторых местах происходит полная деструкция связи между высказываниями текста.

10. Аутистизм (см. аутистическое мышление, характерология). Смысл этого последнего пункта в том, что писатель-модернист с характерологической точки зрения практически всегда является или полифоническим мозаиком, то есть он в своих психических установках совершенно не стремится отражать реальность, в существование или актуальность которой он не верит, а моделирует собственную реальность. Принимает ли это такие полуклинические формы, как у Кафки, или такие интеллектуализированно-изысканные, как у Борхеса, или такие косноязычно-интимные, как у Соколова, - в любом случае эта особенность характеризует все названные выше произведения без исключения.

Лит.:

- Шкловский В. О теории прозы. - Л., 1925.
Томашевский Б. В. Теория литературы (Поэтика).- Л., 1926.
Эйхенбаум Б. М. О прозе.- М., 1970.
Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино.- М., 1977.
Бахтия М. М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра.- Л., 1997.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста. - М., 1970,

Ю.Тынянов

О СЮЖЕТЕ и ФАБУЛЕ

Прежде всего условимся о терминах: фабула и сюжет. Фабулой обычно называют статическую схему отношений типа: "Она была мила, и он любил ее. Он, однако, не был мил, и она не любила его" (эпиграф Гейне). Схема отношений ("фабула") "Бахчисарайского фонтана" будет тогда примерно такова: "Гирей любит Марию, Мария не любит его. Зарема любит Гирея, он не любит ее". Совершенно ясно, что эта схема ничего не разъясняет ни в "Бахчисарайском фонтане", ни в эпиграфе Гейне и одинаково применима к тысячам разных вещей, начиная с фразы эпиграфа и кончая поэмой. Возьмем другое ходовое понятие фабулы: схема действия. Фабула обозначится тогда примерно, в минимуме, так: "Гирей разлюбил Зарему из-за Марии. Зарема убивает Марию". Но что же делать, когда этой-то развязки у Пушкина вовсе нет Пушкин только предоставляет догадываться о развязке — развязка намеренно завуалирована. Сказать, что Пушкин уклонился от нашей фабульной схемы, будет смело, потому что он и вовсе с ней не считался. Это примерно то же, что отстукивать стопу (схему ямба) по его стихам:

Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог,—

и говорить, что в слове "занемог" Пушкин уклонился от ямба. Не лучше ли отрешиться от схемы, чем считать произведение "отклонением" от нее? И действительно, правдивее считать метром стихотворения не "стопу" — схему, а всю акцентную (ударную) наметку вещи. Тогда "ритмом" будет вся динамика стихотворения, складывающаяся из взаимодействия метра (ударной наметки) с речевыми связями (синтаксисом), со звуковыми связями ("повторами").

То же и в вопросе о фабуле и сюжете. Либо мы рискуем создавать схемы, не укладывающиеся в произведение, либо мы должны определить фабулу как всю семантическую (смысловую) наметку действия. Тогда сюжет вещи определится как динамика ее, складывающаяся из взаимодействия всех связей материала (в том числе и фабулы как связи действия) — стилистической, фабульной и т. д. В лирическом стихотворении тоже есть сюжет, но в нем совершенно другого порядка фабула, и у нее совсем иная роль в развитии сюжета. Понятие сюжета не покрывается понятием фабулы. Сюжет может быть эксцентричен по отношению к фабуле *. Здесь в этих отношениях сюжета и фабулы возможны несколько типов:

1. Сюжет опирается главным образом на фабулу, на семантику действия.

Здесь особую важность приобретает распределение фабульных линий, причем одна линия тормозит другую — и этим

самым двигает сюжет. Любопытный пример типа, когда сюжет развивается на ложной фабульной линии, — новелла Амброза Бирса “Приключения на мосту через Совиный ручей”: человека вешают, он срывается в ручей — сюжет развивается далее на ложной фабульной линии — он плывет, убегает, бежит к дому — и только там умирает. В последних строках обнаруживается, что бегство чудилось ему в течение минуты. То же и в “Прыжке в неизвестность” Л. Перутца.

Интересно, что в одном из наиболее фабульных романов — “Отверженные” Гюго — “торможение” совершается как обилием второстепенных фабульных линий, так и вводом исторического, научного, описательного материалов — самих по себе. Последнее характерно для развития сюжета, а не фабулы. Роман как большая форма требует такого внефабульного развития сюжета. Развитие сюжета, адекватное развитию фабулы, характерно для авантюрной новеллы. (Кстати, “большая форма” в литературе не определяется числом страниц, как в кино метражом. Понятие “большой формы” — понятие энергетическое, здесь должен приниматься во внимание момент затрачиваемой читателем (или зрителем) работы по конструированию. Пушкин создал большую стиховую форму на основе отступлений. “Кавказский пленник”. Это впервые показано Виктором Шкловским в работах о Стерне и Розанове. Не больше, чем иные послания Жуковского, но он — большая форма, ибо “отступления” на далеком от фабулы материале необычайно расширяют “пространство” поэмы, заставляют читателя одинаковое количество стихов в “Послании” Жуковского* к Воейкову и в “Кавказском пленнике” Пушкина проходить с совершенно различным количеством проделанной работы. Я потому привожу этот пример, что Пушкин использовал материал посланий Жуковского в своей поэме, но сделал его отступлением от фабулы.) Этот момент торможения на далеком материале и характерен для большой формы.

То же и в кино: “большие жанры” отличаются от “камерных” не только количеством фабульных линий, но и количеством торозящего материала вообще.

2. Сюжет развивается мимо фабулы.

При этом фабула загадана, причем загадка и разгадка только мотивируют развитие сюжета — разгадка может быть и не дана. Сюжет при этом переносится на членение и спайку частей речевого материала вне фабулы. Фабула не дана, вместо нее пружинит и ведет “искание фабулы” как ее эквивалент, заместитель. Таковы, например, многие вещи Пильняка, Леонарда Франка. “Ища фабулы”, читатель производит сцепку и членение отдельных частей, связанных между собою только стилистически (или самой общей мотивировкой — напр., единством места или времени).

Совершенно ясно, что в последнем типе выступает в качестве главного сюжетного двигателя — стиль, стиливые соотношения связываемых между собою кусков. Связь приемов сюжетосложения со стилем может быть обнаружена и на произведениях, где сюжет не эксцентричен по отношению к фабуле. Возьмем “Нос” Гоголя.

Фабульная наметка вещи, семантика действия ее такова, что вызывает мысль о сумасшедшем доме. Достаточно проследить схему одной фабульной линии, линию “носа”: отрезанный нос майора Ковалева... гуляет по Невскому в качестве Носа; Нос желавший ударить в дилижансе в Ригу, перехвачен квартальным надзирателем и возвращен в тряпочке бывшему владельцу.

Как могла быть осуществлена в сюжете такая фабульная линия? Как просто нелепость стала художественной “нелепостью”? Оказывается, здесь играет роль вся смысловая система вещи. Система названия вещей в “Носе” такова, что делает возможной его фабулу..

Так определенная фабула становится сюжетным членом: через стиль, дающий смысловую атмосферу вещи.

Мне могут возразить, что “Нос” — вещь исключительная. Но только недостаток места мешает мне доказать, что таким же точно образом дело обстоит в “Петербурге” и “Московском чуде” Белого (стоит обратить внимание на “истасканность” фабулы в этих, однако же, замечательнейших романах).

О тех же вещах и о тех авторах, стиль которых “сдержан” или “бледен” и т. п., не следует думать, что стиль не играет роли, — все равно, каждое произведение есть семантическая система, и, как бы ни был стиль “сдержан”, он существует как средство построения смысловой (семантической) системы, и существует непосредственная связь между этой системой и сюжетом, будь то сюжет, развивающийся на фабуле или вне фабулы.

Системы же, конечно, разные в разных вещах. Но есть в словесном искусстве род, в котором глубочайшая связь смысловой системы и сюжета бросается в глаза. Такова семантическая система, представленная стихом.

В поэзии, будь то героическая поэма XVIII века или эпос Пушкина, — отчетлива эта связь. Споры вокруг метрических систем всегда в поэзии оказываются спором о смысловых системах — и в счете от этого спора зависит вопрос о трактовке сюжета в поэзии, об отношении сюжета и фабулы.

Потому что с этим вопросом (об отношении сюжета к фабуле) связан вопрос о жанрах.

Это отношение не только разное в разных романах, новеллах, поэмах, лирике, но и разное — в романе, с одной стороны, но-велле — с другой, в поэме, с одной стороны, лирике — с другой.

Из архива журнала “Русская словесность”

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЛ. НАБОКОВА

Одной из важнейших особенностей восприятия произведений литературы является выделение и осмысление социокультурной ипостаси авторской личности, создание идеально-обобщенного, мифологизированного авторского образа. Образ этот я, вслед за Ю.Н. Тыняновым, предлагаю называть «литературной личностью».

Термин «литературная личность» впервые был введен в литературоведческий обиход в статье «Литературный факт» (1924), где соответствующее понятие было противопоставлено «индивидуальности литератора» и «личности творца»; затем он был использован в тыняновской работе «О литературной эволюции» (1927): «“Литературная личность”, “авторская личность”, “герой” в разное время является речевой установкой литературы и отсюда идет в быт. Таковы лирические герои Байрона, соотносившиеся с его “литературной личностью”, которая оживала у читателей из стихов <>. Такова “литературная личность” Гейне, далекая от биографического подлинного Гейне».

К сожалению, эта интересная тема не получила дальнейшего развития в последующих работах Тынянова, поскольку мыслилась им лишь как частный аспект теории эволюции. Не получив детальной разработки, она тем не менее прозвучала в трудах других ученых, чьи теоретические положения во многом были созвучны тыняновским. Например, Б.В. Томашевский еще в статье 1923 года «Литература и биография» выделял два типа писателей: «с биографией» и «без биографии». Представители первого типа (особенно они характерны для эпохи романтизма) всей своей жизнью осуществляют литературные задания, вольно или невольно создавая определенный миф, который во многом обуславливает восприятие их творчества; эти биографические легенды являются «литературным осмыслением жизни поэта, осмыслением, необходимым как осязаемый фон литературного произведения <>, как та предпосылка, которую учитывал сам автор, создавая свои произведения».

Писателей «без биографии», возобладавших, по мнению Томашевского, с середины XIX века, отличает совсем другое: «Их произведения замкнуты в самих себе. Ни одна черта их биографии не проливает никакого света на смысл их произведений. Понятно — у этих писателей есть своя — житейская биография. В эту биографию, как житейский факт, входит и их деятель-

ность. Но это биография частного человека, может быть и интересная для историка культуры, но не для историка литературы». Теоретические положения Ю.Н. Тынянова и Б.В. Томашевского, на которые я буду опираться в ходе моего исследования, безусловно, — важный шаг в изучении культурного аспекта проблемы «автора» и функционирования художественной литературы. Одна серьезная поправка к ним. Строгое типологическое разделение на писателей «с биографией» и «без биографии» может быть применимо только к условно ограниченному временному промежутку литературного процесса. Вне искусственных границ «своего времени» писателей «без биографии», без «литературной личности», строго говоря, нет. Если творчество писателя оказывается действительно значительным явлением искусства, ценным не только для своей эпохи, то оно разбивает временные рамки и начинает интенсивную жизнь в «большом времени» (М.М. Бахтин), в процессе своего постоянно углубляющегося осмысления вынуждая читателей (руками нашего брата — литературоведа) реконструировать биографию и «литературную личность» писателя — сделать то, о чем в свое время не позаботились современники или сам автор.

Необходимое условие возникновения и «кристаллизации» «литературной личности» — наличие определенной репутации в литературных кругах, литературный обиход, получение, а если нельзя иначе — захват, завоевание особого места в иерархии литературных ценностей.

Литературная репутация Владимира Набокова по-своему уникальна. Например, Георгий Адамович, разбирая «Отчаяние», во многом пересмотрел свои прежние представления о писателе. Скорректировав прежний тезис о «нерусскости» Сирина, он возвел его литературную генеалогию уже не к мифическим образцам второсортной западноевропейской беллетристики (как это было сделано в первых адамовичевских отзывах на «Защиту Лужина»), а к автору «Носа» и «Шинели». Еще более решительно изменил свое отношение к творчеству В. Сирина критик и литературовед П. Бицилли. Если в статье 1933 г. «Жизнь и литература» он отказывался признать художественную цельность сиринских произведений, то в последующих работах дал самую высокую оценку В. Сирину, поставив его в один ряд с Гоголем и Салтыковым-Щедринным: «В эмиграции выдвинулся писатель, который, несомненно, — столь могуче его дарование и столь высоко его формальное эмигрантство — “войдет в русскую литературу” и пребудет в ней до тех пор, пока она вообще будет существовать. Это В. Сирин».

Переехав в штаты и переквалифицировавшись в американского литератора, Набоков не только отказался от «кровного наречия», от «ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного < > русского слога ради второсортного английского языка», но и поставил себя перед необходимостью «завоевания Америки», завоевания репутации в англоязычном литературном мире. Несмотря на признание и поддержку немногочисленных литературных гурманов, несмотря на публикации, достаточно долгое время (около 15 лет!) Набоков прозябал на периферии литературной жизни Америки: не был известен широкому читателю и оставался «темной лошадкой» для большинства американских издателей, не пожелавших рисковать, когда «незаметный писатель с непроносимым именем» (так кокетливо назвал себя Набоков в интервью 1967 г.) предложил им «бомбу замедленного действия» — «серьезную книгу с серьезным замыслом», рассказывающую о безрассудной страсти сорокалетнего интеллигента.

В письме к Морису Жиродала, главе парижского издательства «Олимпия-пресс», Набоков утверждал, что не хотел бы для своей книги «успеха скандала». Так это было в действительности или нет — сейчас судить трудно, однако именно громкий скандал, разразившийся по обе стороны Атлантики вокруг «аскетически строгого создания» Набокова, принес писателю мировую известность и, сделав ему громкое литературное имя (и принеся немалое состояние), привлек внимание к его личности.

Именно в период триумфального успеха «Лолиты» в Америке и Европе, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, когда имя Набокова не сходило со страниц ведущих западных газет и журналов, началось активное формирование «литературной личности» писателя и мифа об аполитичном фоксунке от литературы, «игроке в бисер», низводящем художественное творчество к беспечным формалистическим трюкам — «сочинению головоломок с изящными решениями».

Говоря об этом периоде, «нужно помнить, что Набоков, хоть и обретший мгновенную славу, еще не был тогда литературным гигантом, каким мы его ныне знаем». И вполне понятны старания тех же лондонских издателей «Лолиты», организовавших в ноябре 1959 мощную кампанию по «раскрутке» «Лолиты» и ее автора. Лекция в Кембридже о цензуре, во время которой Набоков ни разу не упомянул о «Лолите», (в закл. аудитория влиятельно ему стоя), «великолепно организованное выступление по телевидению, а также ленч с группой известных влиятельных лиц — все это явилось частью кампании, организованной Уэйденфелдом и Николсоном, чтобы представить своего автора как ученого с безупречной репутацией, а не как полумного эмигранта-графомана. Величайшим тактическим достижением явилось упоминание о том, что следующей книгой профессора Набокова будет исследование в две тысячи страниц о Пушкине.

Со смесью бесшабашности и страха Уэйденфелд с Николсоном устроили накануне выхода книги, во вторник 5 ноября, торжественный вечер в отеле «Ритц», куда было приглашено триста влиятельных доброжелателей. Издатели достаточно рисковали, назвав торжество вечером встречи с мистером и миссис Набоков; о книге не упоминалось. Устроители имели все основания опасаться, что назавтра их привлекут к суду».

Лондонским мероприятиям предшествовало двухнедельное пребывание Набокова в Париже, приуроченное к выходу французского издания «Лолиты» в издательстве «Галлимар». Как и в Лондоне, Набоков оказался в центре внимания публики, для которой «настоящей сенсацией» явилось то, что мистер Набоков разгуливает по Парижу отнюдь не с аппетитной двенадцатилетней девочкой, а с пятидесятилетней супругой. Сделавшись героем светских хроник, он стал добычей репортеров и дал около десятка интервью. Посвященный выходу «Лолиты» вечер в салоне Галлимара на рю-Себастьян-Боттэн вызвал ажиотаж и собрал сливки издательского и литературного мира Парижа. (Кстати, продажа романа за время рекламного набоковского турне возросла в шесть раз!)

Благодаря своему вихревому парижско-лондонскому туру (а, может быть, и независимо от него) Набоков хорошо усвоил механику литературной славы и оценил значение того, что теперь принято обозначать корявой калькой «паблисити».

Поселившись в Швейцарии и ведя довольно уединенный образ жизни, он тем не менее никогда не давал зачухнуть своей «публичной персоне» и постоянно напоминал о себе в эпатажных интервью, которые щедро раздавал представителям разнокалиберных западных изданий — от глянцевиных монстров, типа «Плейбой» или «Вог», до малотиражных литературоведческих ежеквартальников.

Исследователям, интересующимся культурным аспектом творчества Набокова, не приходится жаловаться: их подопечный сделал все возможное, чтобы закрепить в читательском сознании идеальную версию собственного «я», броский «имидж», организующий читательское восприятие и навязывающий публике определенное понимание конкретных художественных произведений. Наиболее ярко «литературная личность» Набокова проявилась в произведениях, условно обозначаемых как «non-fiction»: в авторских предисловиях, где писатель задним числом разъяснял недогадливым читателям, что именно он хотел сказать в своем произведении, как именно следует его воспринимать и как не следует; в строго отредактированных интервью (в которых, как правило, вопросы заранее оговаривались, а ответы давались в письменном виде); в трех изводах автобиографии, где эстетическая преднамеренность в построении авторского образа достигает наивысшей степени (и где, по выражению Глеба Струве, «с полной силой сказался феноменальный эгоцентризм Набокова, временами граничащий с дурным вкусом»); в письмах и пока мало кому доступных дневниках, где автор, даже если бы он стремился к предельной искренности и самообнажению (что было не свойственно Набокову) неминуемо попадает под власть закона игры, театра для себя; в литературно-критических статьях и эссе, содержащих программные эстетические декларации (сюда же отнесем фундаментальный комментарий к переводу «Евгения Онегина» и лекции по литературе).

Важный шаг в закреплении постулированного Набоковым образа «великого мандарина американской прозы» (М. Скэмвелл) был сделан в 1973 г., когда издательством «Макгро-хилл» был выпущен сборник «Strong opinions» (Твердые суждения). Помимо рецензий, литературно-критических эссе и писем редакторам различных газет и журналов, в книгу были включены двадцать два интервью[xv], данные писателем с 1962 по 1972 гг. (всего их было более пятидесяти); в них Набоков – уже общепризнанный мэтр американской литературы – излагал свои «твердые суждения» относительно творчества, художественной литературы, искусства, политики и т.д.

«Литературная личность» Набокова хорошо знакома всем, кто хоть сколько-нибудь серьезно обращался к творчеству писателя, поэтому я ограничусь тем, что обращу ваше внимание на основные ее характеристики.

Помимо «феноменального эгоцентризма» и нарциссизма, раздражавших многих набоковских зоилов – взять хотя бы первые строки авторского предисловия к «Твердым суждениям»: «Я мыслю как гений, я пишу как выдающийся писатель...», – главной отличительной чертой «литературной личности» Набокова следует назвать ее ортодоксальный, несколько архаичный даже, эстетизм, то, как сказал бы Ортега-и-Гассет, «ханжество от культуры», которое выводит искусство из исторического и нравственно-философского контекста. «Я не пишу с умыслом и не преподаю нравственного урока, не эксплуатирую общие идеи».

«Фирменный знак» «литературной личности» Набокова – чудовищное высокомерие и агрессивность по отношению к другим писателям. Пристрастные оценки, язвительные критические замечания и несправедливые, часто ничем не подкрепленные обвинения обрушивались Набоковым и на литературных предшественников – будь то «переоцененный Вергилий», чьи эклоги «представляют собой скудные слепки с идиллий Феокрита», или «рифмоплет Беранже», или «трескучий фразер» Достоевский, в произведениях которого «влияние < > сентиментальных и готических романов Ричардсона, Анны Радклиф, Диккенса, Руссо и Эжена Сю сочетается < > с религиозной экзальтацией, переходящей в мелодраматическую сентиментальность» – и, тем более, на писателей-современников. Набоков с особой яростью сокрушал «репутации» писателей, представлявших ненавистную ему Литературу Больших идей. Жертвами сокрушительных набоковских атак были: «монументальные посредственности, вроде Голсуорси, Драйзера, персонажа по имени Тагор, одного по имени Горький и третьего по имени Ромен Роллан», «банальный баловень буржуазии» Сартр (среди прочего повинный в том, что в 1939 г. выдал кислую рецензию на французский перевод «Отчаяния»), «современный заместитель Майн Рида» Гемингвей, «поставщик идеологических иллюстраций» Оруэлл, «почтенный мошенник» Паунд, Т.С. Элиот, Борхес, а также «Камю, Лорка, Казандзакис, Д.Г. Лоуренс, Томас Манн, Томас Вулф и буквально сотни других “великих” посредственностей», перечислять которых, пожалуй, слишком долго – проще назвать тех немногих счастливицев (Уэллс, Пруст, Джойс, Роб-Грийе, Андрей Белый, Апдайк, Сэлинджер), кто удостоивался скупых похвал привередливого «В.Н.»

Столь же показательна реакция Набокова на роман Филипа Рота «Болезнь Портного», который опередил в книжном «хит-параде».. Первый удар по «Болезни Портного» Набоков нанес в интервью корреспонденту «Таймс»: «Господин Набоков высказался и по поводу нынешнего бестселлера, романа Филипа Рота «Болезнь Портного»: “Это, – мрачно заявил он, – смехотворная книга. Она не обладает какими-либо литературными достоинствами. Она тривиальна и совсем не смешна – просто смехотворна”. В интервью журналу «Тайм» Набоков, вопреки вегетарианским обычаям англоязычного писательского мира, продолжал громить роман своего удачливого соперника и разразился бурной тирадой в его адрес: « “Болезнь Портного”? Отвратительно. Трафаретно, плохо написано, вульгарно. Просто фарс какой-то – там, например, где живописуется запер у отца главного героя. По сравнению с этим даже такие писатели, как Гор Видал, и то более интересны»

Жанровые рамки не позволяют мне затягивать живописание колоритной «литературной личности» Набокова. Со всеми своими достоинствами и недостатками она неотделима от его художественных произведений; более того, ее эстетически совершенный и монолитный образ порой заслоняет многогранное, противоречивое творческое «я» Набокова-художника, которое каждый раз по-новому воплощалось в произведениях (порой явно противореча броским декларациям набоковской «персоны»). Разумеется, между эстетическим мирозерцанием, внутренним творческим «я» писателя и его «литературной личностью» существовала определенная связь. «Литературная маска», которую носил Набоков – а сознательно сотворенную «литературную личность» мы смело можем назвать «маской», – была выбрана вовсе не случайно: не только как средство для реализации «стратегии успеха», но и в качестве организующего центра собственной личности. В конечном итоге для читателей и историков литературы одинаково важно, кем действительно был писатель в жизни и творчестве и кем хотел казаться.

И тем не менее, слишком многое говорит в пользу того, что выбранный имидж надменного сноба и «чистого художника» был именно маской, скрывающей «истинную жизнь» Владимира Набокова. Своей эпатажной нарочитостью «литературная личность» Набокова слишком часто оставляет ощущение игры, позерства, мистификации, мимикрии, «защитной уловки», доведенной «до такой точки художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага» – придирчивого критика, лакомого до сенсационных признаний журналиста или самодовольного педанта-литературоведа, поднатюрешшего на эффектных сличениях и сближениях.

АЛЕКСАНДР БЛОК, ЛИРИКА

Методологический спектр литературоведческих работ о Блоке многообразен: начиная с многочисленных воспоминаний о поэте, которые выходили в первые годы после его смерти (С.Городецкий, А.Белый, С.Соловьев, В.Перцов и др.) и содержали элементы литературоведческого анализа, разборы отдельных текстов и оценки всего творческого пути Блока в целом, – до классических, хрестоматийных исследований, монографий и статей. Исследователи творчества поэта отмечали интерес Блока к разным культурным эпохам и традициям. В.М. Жирмунский, Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, Д.М. Магомедова, И.С. Приходько, Т.В. Игошева изучали средневековый контекст его творчества, З.Г. Минц, И.С. Приходько рассматривали литературные связи Блока с эпохой Возрождения. Такие темы, как «Блок и Лермонтов», «Блок и Достоевский», «Блок и В.Соловьев», «Блок и Вяч. Иванов», поднимались не только в монументальной монографии З.Г. Минц, но и в отдельных работах Е.М. Таборисской, в монографии Т. А. Елшиной и др. В последние десятилетия XX века целый ряд исследователей обращается к мифопоэтическому анализу произведений поэта (З.Г. Минц, Д.М. Магомедова, И.С. Приходько и др.).

Вопрос об отношении Блока к наследию античности был поставлен только в конце XX века. Эта тема поднимается в работах Д. М. Магомедовой, К.А. Кумпана, С.Л. Слободнюка, но фундаментального и всестороннего исследования по этой проблеме нет до сих пор.

Между тем осмысление культуры античности в начале XX века настолько сильно захватило все мыслящее общество России, так глубоко вошло в сам дух этой эпохи, что невозможно представить, как оно могло не коснуться Блока, не найти отражения в его творчестве. Ведь Блок был одним из самых «музыкальных» (то есть, способных, по его собственному выражению, слышать «музыку времени») людей своей эпохи, остро чувствующим не только дыхание современности, но и улавливающим в ней дух «иных времен». Ощущение неразрывной связи времен, которое безошибочно указывает на присутствие субстрата вечности в потоке времени, он считал главным даром поэта.

статью Надежды Деменковой смотрите в разделе “Библио сфера”

Вслух же она спросила:

- Скажите пожалуйста, куда мне отсюда идти ?

- А куда ты хочешь попасть ? - ответил Кот.

- Мне все равно - сказала Алиса.

- Тогда все равно куда и идти, - заметил Кот.

-...только бы попасть куда-нибудь, - пояснила Алиса.

- Куда-нибудь ты обязательно попадешь, - сказал Кот. - Нужно только достаточно долго идти.

Льюис Кэрролл

“Алиса в стране чудес”

АФОРИЗМЫ СВИФТА

Мы достаточно религиозны, чтобы ненавидеть друг друга, но недостаточно религиозны, чтобы любить друг друга.

Большинство мужчин любят лесть вследствие скромного мнения о себе, большинство женщин - по противоположной причине.

В мире нет ничего постоянно-го, кроме непостоянства.

Превосходные слова! Интересно, где вы их украли?

Некоторые люди скрывают свой ум гораздо тщательнее, чем свою глупость.

Под грязными лохмотьями Диогена скрывалось, быть может, столько же гордости, как под пышной одеждой Божественного Платона.

Каждый хочет жить долго, но никто не хочет стареть.

Законны точно паутина, в которую попадает мелкая мошкара, но через которую прорываются шершни и осы.

Владимир Набоков.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЫМ

Когда зажглись, чуть ли не одним махом до самого Байришер Плац, висящие над улицей фонари, все в неосвещенной комнате слегка сдвинулось со своих линий под влиянием уличных лучей, снявших первым делом копию с узора кисейной занавески. Уже часа три, за вычетом краткого промежутка ужина (краткого и совершенно безмолвного, благо отец и сестра были опять в ссоре и читали за столом), он так лежал на кушетке, длинный, плоский юноша в пенсне, поблескивающим среди полумрака. Одурманенный хорошо знакомым ему томительным, протяжным чувством, он лежал, и смотрел, и прищуривался, и любая продольная черта, переключая, тень переключины, обращались в морской горизонт или в кайму далекого берега. Как только глаз научился механизму этих метаморфоз, они стали происходить сами по себе, как продолжают за спиной чудотворца зря оживать камушки, и теперь, то в одном, то в другом месте комнатного космоса, складывалась вдруг и углублялась мнимая перспектива, графический мираж, обольстительный своей прозрачностью и пустынностью: полоса воды, скажем, и черный мыс с маленьким силуэтом араукарии.

Из глубины соседней гостиной, отделенной от его комнаты раздвижными дверьми (сквозь слепое, зыбкое стекло которых горел рассыпанный по зыби желтый блеск тамошней лампы, а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду поползновения дверей медленно, с содроганиями, разъезжаться), слышался по временам невнятный, малословный разговор. Там (должно быть, на дальней оттоманке) сидела сестра со своим знакомым, и, судя по таинственным паузам, разрешавшимся, наконец, покашливанием или нежно-вопросительным смешком, они целовались. Были еще звуки с улицы: завывался вверх, как легкий столб, шум автомобиля, венчаясь гудком на перекрестке, или, наоборот, начиналось с гудка и пронеслось с дребезжанием, в котором принимала посильное участие дрожь дверей.

И как сквозь медузу проходит свет воды и каждое ее колебание, так все проникало через него, и ощущение этой текучести преображалось в подобие ясновидения: лежа плашмя на кушетке, относимой вбок течением теней, он вместе с тем сопутствовал далеким прохожим и воображал то панель у самых глаз, с дотошной отчетливостью, с какой видит ее собака, то рисунок голых ветвей на не совсем еще бескрасочном небе, то чередование витрин: куклу-парикмахера, анатомически не более развитую, чем дама червей; рамочный магазин с вересковыми пейзажами и неизбежной *Inconnue de la Seine* (Незнакомкой с < берегов > Сены (франц.)) (столь популярной в Берлине) среди многочисленных портретов главы государства; магазин ламп, где все они горят, и невольно спрашиваешь себя, какая же из них там своя, обиходная...

Он спохватился, лежа мумией в темноте, что получается неловко: сестра, может быть, думает, что его нет дома. Но двинуться было невероятно трудно. Трудно, -- ибо сейчас форма его существа совершенно лишилась отличительных примет и устойчивых границ; его рукой мог быть, например, переулочек по ту сторону дома, а позвоночником -- хребтообразная туча через все небо с холодком звезд на востоке. Ни полосатая темнота в комнате, ни освещенное золотою зыбью ночное море, в которое преобразилось стекло дверей, не давали ему верного способа отмерить и отмежевать самого себя, и он только тогда отыскал этот способ, когда проворным чувствилищем вдруг повернувшегося во рту языка (бросившего как бы спросонья проверить, все ли благополучно) нащупал инородную мягкость застрявшего в зубах говяжьего волокна и заодно подумал, сколько уже раз в продолжение двадцатилетней жизни менялась эта невидимая, но

осязаемая обстановка зубов, к которой язык привыкал, пока не выпадала пломба, оставляя за собой пропасть, которая со временем заполнялась вновь.

Понуждаемый не столько откровенной тишиной за дверьми, сколько желанием найти что-нибудь остренькое для подмоги одинокому слепому работнику, он, наконец, потянулся, приподнялся и, засветив лампу на столе, полностью восстановил свой телесный образ. Он увидел и ощутил себя (пенсне, черные усики, нечистая кожа на лбу) с тем омерзением, которое всегда испытывал, когда на минуту возвращался к себе и в себя из темного тумана, предвещавшего... что? Какой образ примет, наконец, мучительная сила, раздражающая душу? Откуда оно взялось, это растущее во мне? Мой день был такой как всегда, университет, библиотека, но по мокрой крыше трактира на краю пустыря, когда с поручением отца пришлось переть к Осиповым, стался отяжелевший от сырости, сытый, сонный дым из трубы, не хотел подняться, не хотел отделиться от милого тлена, и тогда-то именно екнуло в груди, тогда-то...

На столе лоснилась клеенчатая тетрадь, и рядом валялся, на пегот от клякс бьюаре, бритвенный ножичек с каемкой ржавчины вокруг отверстий. Кроме того лампа освещала английскую булавку. Он ее разогнул и острием, следуя несколько суетливым указаниям языка, извлек волоконце, проглотил... лучше всяких яств... После чего язык, довольный, улегся.

Вдруг, сквозь зыбкое стекло дверей, появилась, приложенная извне, русалочья рука; затем половины судорожно раздвинулись, и просунулась кудлатая голова сестры.

-- Гришенька,-- сказала она,-- пожалуйста, будь ангел, достань папирос у папы.

Он ничего не ответил, и она совсем сузила яркие щели мохнатых глаз (очень плохо видела без своих роговых очков), стараясь рассмотреть, не спит ли он.

-- Достань, Гришенька,-- повторила она еще просительнее,-- ну, сделай это. Я не хочу к нему ходить после вчерашнего.

-- Я может быть тоже не хочу,-- сказал он. -- Скоренько,-- нежно произнесла сестра.-- А, Гришенька?

-- Хорошо, отстань,-- сказал он наконец, и, бережно воссоединив дверные половины, она растворилась в стекле.

Он опять подвинулся к освещенному столу, с надеждой вспомнив, что куда-то засунул забытую однажды приятелем коробочку папирос. Теперь уже не видно было блестящей булавки, а клеенчатая тетрадь лежала иначе, полураскрывшись (как человек меняет положение во сне). Кажется -- между книгами. Полки тянулись сразу над столом, свет лампы добирался до корешков. Тут был и случайный хлам (больше всего), и учебники по политической экономии (я хотел совсем другое, но отец настоял на своем); были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, "Шатер" и "Сестра моя жизнь", "Вечер у Клэр" и "Bal du compte d'Orgel" ("Бал графа д'Оржеля" (франц.)), "Защита Лужина" и "Двенадцать стульев", Гофман и Гольдерлин, Боратынский и старый русский Бэдекер. Он почувствовал, уже не первый,-- нежный, таинственный толчок в душе и замер, прислушиваясь -- не повторится ли? Душа была напряжена до крайности, мысли затмевались, и, придя в себя, он не сразу вспомнил, почему стоит у стола и трогает книги. Бело-синяя картонная коробочка, засунутая между Зомбартом и Достоевским, оказалась пустой. По-видимому, не отвертеться. Была, впрочем, еще одна возможность.

Вяло и почти беззвучно волоча ноги в ветхих ночных туфлях и неподтянутых штанах, он из своей комнаты переместился в прихожую и там нащупал свет. На подзеркальнике, около щегольской бежевой кепки гостя, остался мягкий, мятый кусок бумаги; оболочка освобожденных роз. Он пошарил в пальто отца, проникая брезгливыми пальцами в бесчувственный мир чужого кармана, но не нашел в нем тех запасных папирос, которые

АФОРИЗМЫ СВИФТА

Если на свете так мало счастливых браков, то лишь потому, что девушки гораздо больше внимания уделяют плетению силков, чем строительству клеток.

Собственно говоря, лишь очень немногие живут сегодняшним днем. Большинство готовится жить позднее.

Когда на свет появляется истинный гений, то узнать его можно хотя бы потому, что все тупоголовые объединяются в борьбе против него.

ИЗ ШУТОК БЕРНАРДА ШОУ

Ведь я только всего и хочу, чтобы все всегда было по-моему.

Знатоки женщин редко склонны к оптимизму.

Господь всегда в творении.

Читая биографию, помните, что правда никогда не годится к опубликованию.

Брак - это лавина, которую юноша и девушка обрушивают себе на голову, потянувшись за цветком.

Ничто на свете так не оскорбительно, как безукоризненная вежливость с теми, с кем прежде был на короткой ноге.

Тот, кто умеет, тот делает, кто не умеет - тот учит (Кто не может учить - управляет).

Газета - это печатный орган, не видящий границы между падением велосипеда и крушением цивилизации.

Дурак, сделав глупость, потом оправдывается, что это было его долгом.

ЯПОНСКАЯ ПОЭЗИЯ

На пункт наш избирательный
пришел отряд карательный..

Статика движения вновь
предстает в моем
воспаленном мозгу

Вновь цель преодолел
и не обидев образ,
поговорим с кобылкой..

А река за нами
все наблюдает и наблюдает..

Вл.Набоков. Тяжелый дым

надеялся добыть, зная тяжеловатую отцовскую
предусмотрительность. Ничего не поделаешь, надо к нему...

Но тут, то есть в каком-то неопределенном месте
сомнамбулического его маршрута, он снова попал в полосу тумана,
и на этот раз возобновившиеся толчки в душе были так властны, а
главное настолько живее всех внешних восприятий, что он не
тотчас и не вполне признал собою, своим пределом и обликом,
сутуловатого юношу с бледной небритой щекой и красным ухом,
бесшумно проплывшего в зеркале. Догнав себя, он вошел в
столовую.

Там, у стола, накрытого давно опочившей прислугой к
вечернему чаю, сидел отец и, одним пальцем шурша в черной с
проседью бороде, а в пальцах другой руки держа на отлете за
упругие зажимчики пенсне, изучал большой, рвущийся на сгибах,
план Берлина. На днях произошел страстный, русского порядка,
спор у знакомых о том, как ближе пройти от такой-то до такой-то
улицы, по которым, впрочем, никто из споривших никогда не
хаживал, и теперь, судя по удивленно недовольному выражению на
склоненном лице отца, с двумя розовыми восьмерками по бокам
носа, выяснилось, что он был тогда неправ.

-- Что тебе? -- спросил он, вскинув глаза на сына (может
быть, с тайной надеждой, что я сяду, сниму попону с чайника,
налью себе, ему).-- Папирос? -- продолжал он тем же
вопросительным тоном, уловив направление взгляда сына, который
было зашел за его спину, чтобы достать коробку, стоявшую около
его прибора, но отец уже передавал ее слева направо, так что
случилась заминка.

-- Он ушел? -- задал он третий вопрос. -- Нет,-- сказал
сын, забрав горсть шелковистых папирос.

Выходя из столовой, он еще заметил, как отец всем корпусом
повернулся на стуле к стенным часам с таким видом, будто они
сказали что-то, а потом начал поворачиваться обратно, но тут
дверь закрылась, я не досмотрел. Я не досмотрел, мне не до
этого, но и это, и давешние морские дали, и маленькое горящее
лицо сестры, и невнятный гул круглой, прозрачной ночи, все,
по-видимому, помогало образоваться тому, что сейчас наконец
определилось. Страшно ясно, словно душа озарилась бесшумным
взрывом, мелькнуло будущее воспоминание, мелькнула мысль, что
точно так же, как теперь иногда вспоминается манера покойной
матери при слишком громких за столом ссорах делать плачущее
лицо и хвататься за висок, вспоминать придется когда-нибудь, с
беспощадной, непоправимой остротой, обиженные плечи отца,
сидящего за рваной картой, мрачного, в теплой домашней куртке,
обсыпанной пеплом и перхотью; и все это животворно смешалось с
сегодняшним впечатлением от синего дыма, льнувшего к желтым
листьям на мокрой крыше.

Промеж дверей, невидимые, жадные пальцы отняли у него то,
что он держал, и вот снова он лежал на кушетке, но уже не было
прежнего томления. Громадная, живая, вытягивалась и загибалась
стихотворная строка; на повороте сладко и жарко зажималась
рифма, и тогда появлялась, как на стене, когда поднимаешься по
лестнице со свечой, подвижная тень дальнейших строк.

Пьяные от итальянской музыки аллитераций, от желания жить,
от нового соблазна старых слов -- "хлад", "брег", "ветр",--
ничтожные, бранные стихи, которые к сроку появления следующих
неизбежно зачахнут, как зачахли одни за другими все прежние,
записанные в черную тетрадь; но все равно: сейчас я верю
восхитительным обещаниям еще не застывшего, еще вращающегося
стиха, лицо мокро от слез, душа разрывается от счастья, и я
знаю, что это счастье -- лучшее, что есть на земле.

Берлин, 1934 или 1935 г.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Что мы можем сказать о Боге? Ничего. Что
мы можем сказать Богу? Все.

Можно шутить с человеком, но нельзя
шутить с его именем.

Женщина, не забывающая Генриха Гейне в
тот момент, когда в комнату входит ее воз-
любленный, любит только Генриха Гейне.

Успех - это успеть.

Я не хочу иметь точку зрения. Я хочу иметь
зрение.

АГАТА КРИСТИ

Высокая репутация - первейшая необходи-
мость для жулика!

Женщины редко ошибаются в своих сужде-
ниях друг о друге.

Недостаток воображения предрасполагает
к преступлению.

Каждый убийца, вероятно, чей-то хороший
знакомый.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК АЛЬБЕРА КАМЮ

Только тот богат, у кого есть карманные
деньги.

Истина сияет подобно свету.

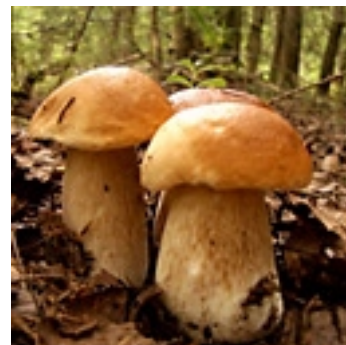
Там, где одни видели абстракцию, другие
видели истину.

Стремление всегда быть правым - признак
вульгарности.

Красота - это вечность, длящаяся мгно-
вение.

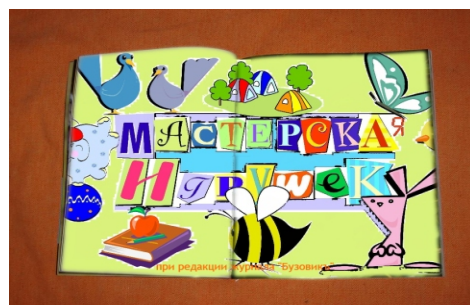
Мы обращаемся к Богу лишь для того, что-
бы получить невозможное.

Разнузданная чувственность приводит к
убеждению, что мир бессмыслен.

Бузовицкий 9_08

○ старые ленты

○ библиосфера

Не линяет только солнечный зайчик

На пластинке - представлен фрагмент фильма "Еще раз про любовь". Вы увидите здесь таких актеров как Татьяна Доронина и Олег Ефремов.

К декабрю в имени появляется французская "мадемуазель" - гувернантка / "Показалась она мне огромной, и в самом деле была очень толста. Вижу ее пышную прическу, морщины на суровом лбу... толстые ноздри, зачаточные усы... Ее русский словарь состоял из одного слова - того же, ничем не обросшего, неразменного слова, которое она спустя десять лет увезла обратно, в родную Лозанну. Это простое словечко, "где", превращалось у нее в "гиде-э" и, полнясь магическим смыслом, звуча граем потерявшейся птицы, оно набирало столько вопросительной и заклинательной силы, что удовлетворяло всем ее нуждам. "Гиди-э, гиди-э?" - заливалась она, не только добиваясь определения места, но выражая бездну печали - одиночество, страх, бедность, болезнь, - и мольбу доставить ее в обетованный край, где ее наконец поймут и оценят"

○ из архива журнала

Владимир Набоков: Биография.

Лекции по основам теории литературы

- Сюжет литературного произведения. Сюжет и фабула. Сюжет – от слова предмет. Возникает во Франции. Часто сюжет является аллюзией. Слово сюжет означает заимствованная из прошлого история, подлежащая обработке драматурга. Фабула – сказание, миф, басня, более древнее понятие.

Поспелов: Сюжет – последовательность событий и действий, в произведении событийная цепь. Фабула – схема сюжета, выпрямленный сюжет.

Веселовский: Сюжет – это художественно построенное распределение событий. Фабула – совокупность событий в их взаимной внутренней связи.

Томашевский: Сюжет – действие произведения в его полноте, цепь изображенных движений. Простая единица сюжета – любое движение. Фабула – схема действия, система основных событий, которая может быть переказана. Простейшая единица фабулы – мотив или событие, а основные элементы – завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Трехтомник по теории литературы: Сюжет – система установок, при помощи которых должно производиться действие. Канва, Фабула – самый процесс действия, узор, ткань.

Сюжет – система событий в их художественной логике. Фабула – в жизненной логике. Сюжет – динамическая сторона произведения. Элементы в динамике.

Преподаватель - Ирина Юхнова

○ Календарь

Трехмачтовый бриг "Антилопа" отплыл в Южный океан.

На корме стоял корабельный врач Гулливер и смотрел в подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей: сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся Гулливер в море. Он любил путешествовать. Еще в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он усердно изучал географию и математику, потому что эти науки больше всего нужны моряку.

Отец отдал Гулливера в учение к знаменитому в то время лондонскому врачу. Гулливер учился у него несколько лет, но не переставал думать о море.

Врачебное дело пригодились ему: он поступил корабельным врачом на судно "Ласточка" и плавал на нем три с половиной года. А потом, прожив года два в Лондоне, совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию. Во время плавания Гулливер никогда не скучал. У себя в каюте он читал книги, взятые из дому, а на берегу приглядывался к тому, как живут другие народы, изучал их язык и обычаи.

Джон.Свифт. Путешествие Гулливера, часть первая

Традиционно занимательное приложение к журналу “Бузовик” позволяет Вам ознакомиться с новыми программами для э.в.м., довольно небезынтересными играми, посмотреть на фото и картины (в разделе “Картины” и “Третьяковка”), вспомнить вместе с нами “Старые ленты” и ознакомиться с новыми зарубежными (“Девушка моих кошмаров”, “В полете”, “Дневник карьеристки”). Вы можете также обнаружить записи из архива журнала (в частности, Энциклопедию и восьмой выпуск)! Смотрите пятнадцатую серию “Крутого пике”, слушайте “Песни”. Кроме того, в отделениях “Библио сфера” и “Русская литература” расположены важные для любого любителя русской словесности исследования.

В другой комбинации те же мотивные признаки актуализируют параллель Чернышевский - Пьеро. В этом случае Ольга Сократовна, подруга, соотносится с Коломбиной. Многочисленные удалцы, гогощущие, розовощекие, веселые - с Арлекином. В шуточных церемониях периода жениховства героя побивают палками. Сюда же примыкает и шутовское площадное шельмование, фарс гражданской казни, неоднократно подчеркнутая белизна рук, лица, и, разумеется, безконечно проливаемые слезы. Комедийно-фарсовая параллель Чернышевский - Пьеро особенно значима в “Приглашении на казнь”, романе, где жизнь Чернышевского воспроизводится уже в абсурдистском ключе.

Т.И.ПЕЧЕРСКАЯ. “ЖИЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО” В РОМАНЕ НАБОКОВА

○ Третьяковка

Восток - дело тонкое

В этом выпуске - весьма небезынтересная подборка фото известного путешественника по Пекину из журнала “Д.К.” Разумеется, она публикуется в связи с завершившимися летними играми, на которых наша сборная, заметим, показала хороший результат и застолбила третью позицию. Так держать!

○ Из архива журнала

ЛЮБОВЬ ИДЕТ ПО ПРОВОДАМ

Завтра на этом месте меня собьет автомобиль
Телеграф уносит мой голос в сторону за тысячу миль
Электричество - ерунда на постном масле,
Вот - ноль, вот - фаза, и все огни погасли,
Мы лежим втроем - я и две сестры,
Я хотел их завести, из них не вышибить искры
Я нашел, где плюс, нашел, где минус,
Если я не полюблю, то вероятно я двинусь,
Я открыл букварь, читаю по складам -
Не верьте никому, любовь идет по проводам

Я люблю людей - люблю, когда их нет,
Я бы вышел на балкон и разрядил бы пистолет
Но отлил ли кто серебряные пули,
Чтобы все уста сомкнулись в бесконечном поцелуе?
Я глотнул воды, совсем охрип,
Я иду по коридору, мне навстречу царь Эдип
У него нет глаз, на нем нет лица

Но чтобы очутиться у любви в плену,
Достаточно настроиться на нужную волну
Любовь есть здесь, любовь есть там,
Любовь звенит ключами к любым замкам,
Любовь идет по проводам

СТИХИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВА

○ Русская литература

Можно представить себе, сколь огромна и многостороння содержательность формы романа, взятой в ее конкретной целостности. Но чтобы понять эту содержательность, явно необходимо обратиться к истокам романа, к становлению этой формы или, даже к процессу формирования того художественного содержания, которое порождает форму романа, требует ее становления.

Так намечается методология работы. И здесь уже совсем ясно предстает трудность задачи, ибо оказывается, что, с одной стороны, невозможно действительно определить существо романа, не изучив его происхождения, а с другой стороны, как уже говорилось, нельзя проследивать происхождение и развитие романа, не имея понятия об его природе. Этот замкнутый круг не есть нечто необычное.

В.Кожин. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОМАНА

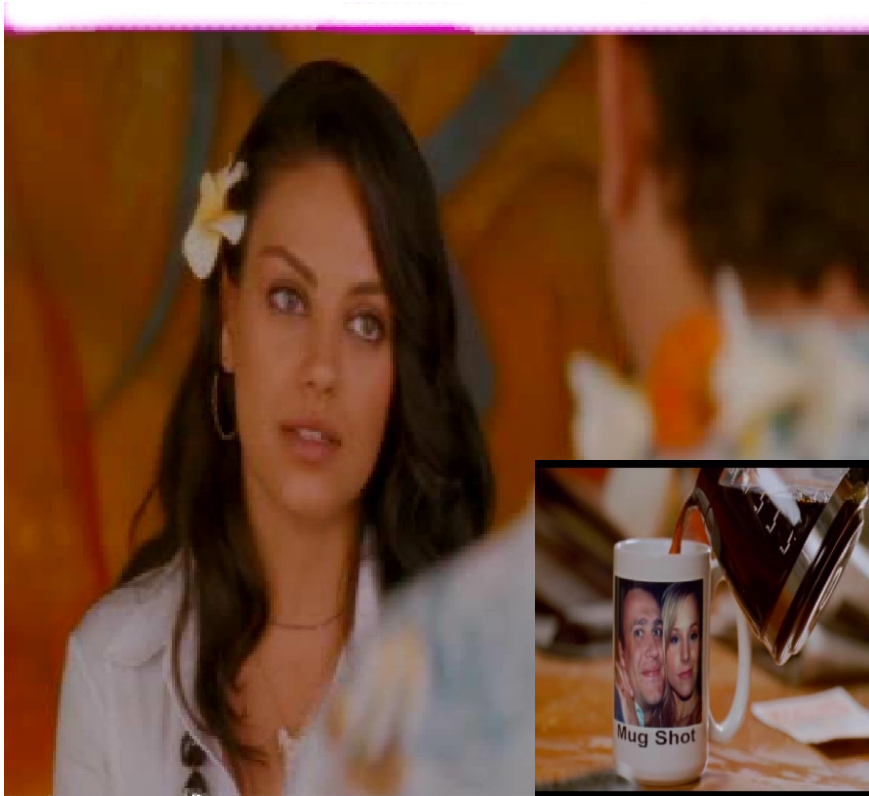

Как помним, А. М. Горький говорил А. Афиногенову: «Главное найдите деталь... она осветит вам характеры, от них пойдете, и вырастут и сюжет и мысли». От деталей к характерам. От характеров к обобщениям и «идеям». Попробуем под этим углом зрения посмотреть на некоторые рассказы и повести Чехова последнего периода, когда окончательно созрела его творческая манера. Роль детали в чеховском видении мира становится особенно ясной, когда мы обращаемся от эпизодических лиц к главным, основным.

Е.ДОБИН. СЮЖЕТ и ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

○ старые ленты

○ Программы

Персональный поиск - так называется программа, представленная в этом выпуске журнала. Она проводит без дополнительных настроек классификацию сведений, которые содержатся в документах и папках Вашей э.в.м. (или той, на которую Вы установите эту программу). После того, как программа будет установлена, Вы сможете находить нужные сведения одним нажатием соответствующей кнопки (программа - на русском языке). Довольно лишь напечатать то или другое определение в первой строке. Весьма удобно!

○ Игры

“Возвращение героя”

Наконец-то российские программисты создали игру на тему романа Стивена Кинга “Туман”. За это наша им искренняя благодарность.... Ну, если они еще и фарфор могут....

Собственно говоря, игра еще не затрагивает перемещения героя в магазине. Мы видим только улицы небольшого города, на которых вольготно чувствуют себя разные неприятного вида насекомые. Как вы помните из книжки, у героя еще остается неприметное средство для их уничтожения, называемое в простонародии “кольт”.

Остается только засучить рукава и приступать к неспешной и весьма осторожной прогулке по улицам осажденного города.

А любовь все живет

В сентябрьском выпуске можно ознакомиться не только с новой серией “Крутого пике”, но и с героями таких фильмов, как “Девушка моих кошмаров”, “Дневник карьеристки”, “В пролете” и “Друзья” (выпуски которого смотрите в предыдущих приложениях).

“Владивосток”

В названной игре Вы можете попробовать свои силы в мини-футболе. На экране предстанет команда соперника, изображенная в виде кружочков. В Вашем распоряжении - один такой “спортсмен”. Вы можете давать комментарии к происходящему на поле.

“Агу-агу”

Маленькая занимательная игра, в которой при помощи поворотов пешеходных тротуаров и мостовых следует перевести симпатичную девочку через оживленную трассу. Мостовые при этом характеризуются до вольно небезынтересной “разметкой” так что игра рекомендована для изучения всем любителям экзаменационных билетов по правилам дорожного движения.

Занимательная игра “Бисквит” - где Вам предстоит изучить основные навыки летнего пляжного преодоления препятствий. Впереди Вас будет следовать великолепный катер. Вам нужно будет лишь огибать при помощи “мышки” некоторых обитателей аква-залива, расположившихся удобно неподалеку.

“Бисквит”

МРАЧНАЯ ДЕВУШКА

1

Девушка проскользнула в кабинет мимо секретарши, открывшей для нее дверь, и огляделась. По глазам посетительницы было видно, что ее что-то тревожит.

Секретарша тихо прикрыла дверь. Девушка села в старомодное черное кожаное кресло с высокой спинкой, положила ногу на ногу, натянула юбку на колени и повернулась к двери. Через минуту она приподняла юбку на дюйм или два, пытаясь добиться определенного эффекта, затем откинулась назад, разбросав по плечам золотистые волосы, которые выгодно контрастировали с блестящей черной кожей кресла.

Она смотрелась трогательно и беззащитно в просторном кабинете. Тем не менее, в ее облике было что-то нарочитое, наводящее на мысль о специально создаваемом впечатлении. Поза была слишком тщательно продуманной, а беззащитность слишком ярко выраженной.

По любым меркам она могла бы считаться красивой: шелковистые волосы, большие темные глаза, высокие скулы, пухлые губы, невысокого роста, с прекрасной фигурой. Сразу же становилось ясно, что она следит за собой. Однако, выражение лица не менялось: казалось, она абсолютно отрешилась от действительности и как бы отгородилась невидимой стеной от окружающего мира.

В кабинет вошел Перри Мейсон. Сделав два шага, он остановился и внимательно осмотрел девушку, не упуская ни одной детали. Она выдержала его взгляд, не изменив ни положения тела, ни выражения лица.

- Вы - мистер Мейсон? - спросила она.

Мейсон не отвечая обошел письменный стол и опустился во вращающееся кресло.

Перри Мейсон производил впечатление большого сильного человека. Он не был полным, но от него исходила внутренняя энергия. Посетительница увидела широкоплечего мужчину с грубыми чертами лица и с прямым взглядом серых глаз. Эти глаза часто меняли выражение, однако, лицо всегда оставалось спокойным. В этом человеке не было ничего кроткого и смиренного, сразу же становилось ясно, что это борец, причем борец, который может сколь угодно долго выжидать удобный момент для нанесения сокрушительного удара и нанесет его именно тогда, когда получит наилучший эффект, а сам при этом не будет испытывать ни малейших угрызений совести от содеянного силой своего ума.

- Да, я - Перри Мейсон, - подтвердил он. - Чем могу быть вам полезен?

Темные глаза девушки с опаской изучали адвоката.

- Меня зовут Фрэн Челейн.

- Фрэн? - переспросил адвокат, повысив голос.

- Уменьшительное от Фрэнсис.

- Понятно. Чем могу быть вам полезен, мисс Челейн? - повторил Мейсон свой вопрос.

Девушка не отводила взгляд темных глаз от его лица. Она начала водить указательным пальцем по ручке кресла, выбирая неровности на коже. В этом ищущем жесте, казалось, бессознательно отражалось ее внутреннее состояние.

- У меня есть кое-какие вопросы по завещанию, - заявила она наконец.

Выражение уверенных и спокойных глаз Перри Мейсона не изменилось.

- Я не занимаюсь завещаниями, - сообщил он. - Я - судебный адвокат, специализируюсь на ведении дел в суде, предпочтительно перед присяжными. Двенадцать человек на скамье присяжных - и ты должен доказать им свою правоту, вот как я работаю. Боюсь, что не смогу вам помочь.

- Но дело, возможно, дойдет до Суда, - сообщила она.

Он продолжал спокойно разглядывать ее, не меняя выражения лица.

- Оспаривание завещания? - спросил адвокат.

- Нет, - ответила девушка, - не совсем оспаривание. Я хочу кое-что узнать о положении, касающемся распоряжения имуществом в пользу другого лица.

- Наверное, будет лучше, если вы зададите мне конкретный вопрос о том, что хотите выяснить, - заметил адвокат.

- Предположим, определенное лицо ..., - начала она, - и оставляет завещание, в котором есть пункт, что наследник по этому завещанию...

- Хватит, - перебил Мейсон. - Вас интересует именно этот пункт?

- Да.

- Тогда расскажите мне факты, а не ходите вокруг да около.

- Это завещание моего отца. Его звали Карл Челейн. Я - единственный ребенок.

- Вот так-то оно лучше, - улыбнулся Мейсон.

- По завещанию я должна получить большую сумму денег, где-то около миллиона долларов.

Перри Мейсон насторожился.

- И вы думаете, что состоится суд? - спросил он.

- Не знаю. Надеюсь, что нет.

- Продолжайте, - предложил адвокат.

- Деньги не перешли прямо ко мне. Ими управляют по доверенности.

- И кто является доверенным лицом?

- Мой дядя, Эдвард Нортон.

- Понятно. Продолжайте.

- В завещании сказано, что если я выйду замуж до достижения двадцатипятилетнего возраста, у моего дяди есть право, на его усмотрение, предоставить мне пять тысяч долларов из траст-фонда, а оставшуюся часть передать благотворительным учреждениям.

- Сколько вам лет? - спросил Мейсон.

- Двадцать три.

- Когда.. ваш отец?

- Два года назад.

- Значит, завещание уже было утверждено, а собственность распределена?

- Да, - кивнула она.

- Если положение, касающееся управления собственностью по доверенности, утверждено и апелляция не была подана, то никакое оспаривание судебного решения путем дополнительного иска невозможно, кроме, как при исключительных обстоятельствах.

Она снова начала водить указательным пальцем по ручке кресла.

- Именно об этом я и хотела вас спросить, - сказала Фрэн Челейн.

- Ну так спрашивайте.

- По завещанию мой дядя контролирует оставленные отцом деньги. Он может их инвестировать, как посчитает нужным, может предоставить мне такую сумму, которую, по его мнению, мне следует иметь. Когда мне исполнится двадцать семь лет, он должен передать мне управление капиталом, если он решит, что обладание такой суммой не испортит мне жизнь. В противном случае, мне до самой смерти будет предоставляться по пятьсот долларов в месяц, а оставшееся дядя должен передать благотворительным учреждениям.

- Очень необычное положение об управлении по доверенности, - ничего не выражающим тоном заметил Мейсон.

- Мой отец был необычным человеком, а я вела довольно бурный образ жизни, - ответила Фрэн.

- Так в чем у вас проблемы? - спросил Мейсон.

- Я хочу выйти замуж, - сообщила она и в первый раз за весь разговор отвела глаза.

- Вы говорили об этом с дядей?

- Нет.

- А он знает, что вы хотите выйти замуж?

- Не думаю.

- Почему бы не подождать, пока вам не исполнится двадцать пять лет?

- Нет, - твердо заявила она. - Я хочу это сделать сейчас.

- Если я правильно понял изложенное вами содержание завещания, то все оговорено на усмотрение вашего дяди, не так ли?

- Да.

- Тогда, возможно, при сложившихся обстоятельствах нужно выяснить его мнение по поводу вашего замужества.

- Нет, - резким тоном воскликнула она.

- У вас плохие отношения? - спросил адвокат.

- Нет.

- Вы часто с ним видите?

- Каждый день.

- Вы обсуждаете с ним завещание?

- Никогда.

- Значит, вы встречаетесь с ним, чтобы обговорить какие-то другие дела?

- Нет. Я живу с ним в одном доме.

- Понятно, - спокойным бесстрастным голосом сказал Перри Мейсон. - Вашему дяде доверено управление огромным капиталом, причем распоряжение этими деньгами оставлено на его полное усмотрение, что весьма необычно. Насколько я понимаю, на него возложено определенные обязательства?

- О, конечно. Но здесь можно не беспокоиться. С траст-фондом все в порядке. Мой дядя очень дотошен и осторожен, даже слишком дотошен и осторожен. Он методично делает все, за что бы ни брался.

- У него есть свои деньги? - решил выяснить адвокат.

- Полно.

- Так что же вы от меня хотите? - в голосе адвоката послышалось легкое раздражение.

- Я хочу, чтобы вы все устроили так, чтобы я могла выйти замуж.

Мейсон с минуту задумчиво смотрел на Фрэн Челейн оценивающим взглядом, не произнося ни слова.

- У вас есть с собой копия завещания или решения о распределении собственности? - наконец спросил он.

- А они вам нужны? - спросила она, отрицательно покачав головой.

Адвокат кивнул:

- Я не могу дать вам абсолютно точную интерпретацию юридического документа, пока не прочитаю сам документ.

- Но я же пересказала вам его содержание!

- Вы пересказали его так, как понимаете. А ваша интерпретация может отличаться от действительности.

- Мне кажется, - быстро и раздраженно заговорила Фрэн Челейн, - что условие, запрещающее выходить замуж, может быть отменено.

- Не совсем так, - заметил адвокат. - В общем и целом, положение, по которому запрещается вступать в брак, считается нарушением гражданских прав и, следовательно, недействительным. Однако, есть ряд исключений, особенно в случае управления собственностью по доверенности, где доверенное лицо назначено для того, чтобы уберечь наследника от бесконтрольной траты оставленного ему по завещанию наследства. Очевидно, мы имеем дело как раз с таким случаем. Более того, обратите внимание, что никаких ограничений на вступление в брак после достижения вами двадцатипятилетнего возраста, нет. И, кстати, судя по вашей интерпретации условий завещания, действовать на свое усмотрение ваш дядя должен только при определенных обстоятельствах.

Было видно, что девушка внезапно потеряла всю свою уравновешенность.

- Я много слышала о вас, - почти крикнула она. - Обычно адвокаты говорят своим клиентам, что они могут сделать, а что не могут, а о вас ходят слухи, что вы все всегда устраиваете таким образом, что клиент получает то, что хочет.

Мейсон улыбнулся. Это была улыбка умудренного опытом человека, накопившего неоценимый багаж знаний из общения с сотнями клиентов, открывавших ему свои секреты.

- Вы частично правы, - согласился он. - Из любой ситуации есть выход. Как говорят, было бы желание, а возможность найдется.

- В моем случае есть желание. От вас я хочу узнать, как добиться возможности.

- За кого вы хотите выйти замуж? - резко спросил Мейсон.

Фрэн Челейн не стала отводить взгляд, темные глаза смотрели прямо на адвоката.

- За Роба Глиасона.
- Ваш дядя с ним знаком?
- Да.
- Он одобряет ваш выбор?
- Нет.
- Вы любите этого Роба Глиасона?
- Да.
- Роб Глиасон знает об условиях завещания?

Она опустила глаза.

- Думаю, что теперь, возможно, знает. Но не знал.
- Что вы имеете в виду? - спросил адвокат.

Было ясно, что Фрэн Челейн избегает встречаться взглядом с Мейсоном.

- Я просто так выразилась. Я ничего не имела в виду.
- Мейсон несколько минут внимательно рассматривал посетительницу.

- Насколько я понял, вы очень хотите выйти за него замуж, - наконец сделал вывод адвокат.

Она подняла на него глаза и заявила с чувством:

- Мистер Мейсон, вы должны четко уяснить: я выйду замуж за Роба Глиасона. Воспринимайте это, как факт. Вам следует найти способ, как я могу это сделать. Это все. Я оставляю эту проблему вам. Я доверяюсь вам. Я собираюсь выйти замуж.

Адвокат уже хотел было что-то сказать, но помедлил. Он не сводил взгляда с посетительницы, продолжая ее внимательно изучать.

- Похоже, вы прекрасно знаете, чего хотите.
- Конечно знаю! - воскликнула она.

- Приходите завтра утром в это же время. Я сегодня просмотрю судебный архив.

Она покачала головой.

- Это слишком долго. Вы можете сделать все, что нужно, к сегодняшнему вечеру?

- Не исключено, - ответил адвокат. - В четыре вас устроит?
- Она кивнула.

- Прекрасно, - сказал Мейсон, вставая. - Возвращайтесь в четыре.

Продиктуйте свой адрес и полное имя секретарю в приемной.

- Я это уже сделала. - Фрэн тоже встала и поправила юбку. - Буду у вас ровно в четыре.

Она, не оборачиваясь, проследовала до двери, открыла ее и вышла в приемную.

Перри Мейсон снова сел за письменный стол и прищурил глаза, уставившись на закрывшуюся за девушкой дверь.

Через минуту Мейсон нажал указательным пальцем кнопку слева от стола.

Из двери, ведущей в библиотеку, появился молодой человек с включенными волосами и открытым лицом, выражающим готовность к действию.

- Фрэнк, - обратился к нему Мейсон, - сходи в здание суда и найди дело об имуществе Челейна. По завещанию некой Фрэнсис Челейн оставлено более миллиона долларов. Для управления собственностью назначено доверенное лицо - Эдвард Нортон. Проверь решение о распределении собственности и само завещание. Сделай копии положений, касающихся управления собственностью по доверенности, и как можно скорее возвращайся обратно.

Молодой человек дважды быстро моргнул глазами.

- Челейн? - переспросил он.
- Да. Карл Челейн.

- И Нортон?
- Эдвард Нортон.

- Спасибо, - сказал молодой человек, резко повернулся, неловко и с застенчивым видом пересек кабинет. Он явно спешил, нервничая под взглядом адвоката.

Мейсон вызвал секретаршу.

Делла Стрит, доверенному секретарю Перри Мейсона, был лет двадцать семь. По ее внешнему виду сразу же становилось ясно, что это уверенная в себе женщина, знающая свое дело. Она резко распахнула дверь из приемной.

- Вызывал шеф? - спросила Делла Стрит.
- Да. Заходи.

Она вошла в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь.

- Давай обменяемся впечатлениями о девушке, - предложил Мейсон.
- Что ты имеешь в виду?

Он задумчиво посмотрел на Деллу.

- Ты сказала, что она выглядит или загнанной в угол или мрачной. А теперь я думаю - какой же?

- Это имеет значение? - спросила Делла.

- Наверное, да. Ты обычно даешь правильную оценку. К тому же, у тебя была возможность рассмотреть ее, когда она не позировала. Она начала играть роль, войдя ко мне в кабинет.

- Она из тех, у кого это хорошо получается.

- Мисс Челейн села вот в это кресло, - кивнул головой Мейсон, - склонила голову, положила ногу на ногу, опустив юбку на точно рассчитанное количество дюймов, и на лице у нее было весьма определенное выражение.

- Она сказала тебе правду? - поинтересовалась Делла.

- Никто из клиентов не говорит всю правду в первый визит к адвокату, по крайней мере, женщины. Именно поэтому я хочу узнать твои впечатления о ней. Она все-таки казалась загнанной в угол или мрачной?

Делла Стрит задумалась. Наконец она заговорила, взвешивая каждое слово:

- Мне кажется, что она одновременно выглядела и загнанной в угол и мрачной, как будто она попала в какой-то капкан и от этого сделалась угрюмой.

- Ты уверена, что это не паника?

- Что ты имеешь в виду?

- Очень многие, впадая в панику, делают каменное лицо, а, пытаясь сделать каменное лицо, выглядят мрачно.

- Ты считаешь, что она в панике? - спросила Делла.

- Да, - медленно ответил Мейсон.

2

Делла Стрит открыла дверь личного кабинета Мейсона. С таинственным видом она проскользнула в дверной проем и осторожно закрыла за собой дверь в приемную.

Перри Мейсон сидел за письменным столом. Он внимательно посмотрел на секретаршу.

- Почему такая таинственность? - спросил он.

Делла шагнула по направлению к адвокату, затем повернулась обратно к двери, чтобы проверить - плотно ли она закрыта.

- В приемной сидит мужчина, представившийся, как Роберт Глиасон, - сообщила Делла.

- Что он хочет?

- Ему нужна информация о мисс Челейн.

- Которая сейчас была здесь?

- Да.

- Ты не сообщила, что она только что ушла?

- Конечно, нет.

- Что конкретно он сказал?

- Сказала, что не знает имен всех твоих клиентов, и ему придется поподробнее изложить суть вопроса. Он очень возбужден. Почему он возбужден? Что его волнует: девушка, дело или что-то еще? - Не знаю. Мгу сказать только, что он возбужден и нервничает. Мейсон расправил плечи, словно пришел к какому-то внезапному решению. Пригласи его, Делла. Я хочу на него посмотреть.

Делла Стрит кивнула, повернулась и открыла дверь в приемную.

- Проходите, пожалуйста, - улыбнулась она посетителю.

- Проходите, пожалуйста, - улыбнулась она посетителю.

В приемной послышался какой-то шум. По всему внешнему виду появившегося в кабинете мужчины было заметно, что он горит нетерпением. Это оказался худой молодой человек, с вздернутым носом и огромными ушами. Он шел нервной походкой и двигался резкими толчками. На вид ему было где-то около тридцати лет.

- Вы - адвокат Мейсон? - спросил он.

Перри Мейсон оценил посетителя внимательным спокойным взглядом из-под густых бровей.

- Садитесь, - предложил адвокат.

Посетитель помедлил, а затем опустился на краешек одного из жестких стульев с прямой спинкой.

- Чем могу быть полезен? - спросил Мейсон.

- Я бы хотел выяснить, приходила ли к вам сегодня Фрэнсис Челейн.

- Это адвокатская контора, а не справочное бюро, мистер Глиасон.

Глиасон нервно вскочил на ноги, быстро, в три шага, подбежал к окну, с минуту постоял в лучах солнечного света, а затем повернулся к адвокату. Темные глаза молодого человека горели. Создавалось впечатление, что он борется с собой.

- Хватит острот, мистер Мейсон. Мне нужно знать, была ли здесь Фрэн Челейн или нет.

Тон Перри Мейсона не изменился, адвокат оставался абсолютно спокоен и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на нетерпеливость посетителя.

- Пусть между нами не останется никакого недопонимания, - сказал Мейсон. - Вы говорите о мисс Фрэнсис Челейн?

- Да.

- Вы лично знакомы с мисс Челейн?

- Конечно.

Перри Мейсон махнул правой рукой, словно вопрос, о котором шла речь, не имел ни малейшего значения.

- Это все упрощает, - сделал вывод адвокат.

- Что именно? - с подозрением в голосе спросил Глиасон.

- Тот факт, что вы знакомы с мисс Челейн, - ответил Мейсон. - В таком случае вам требуется лишь поинтересоваться у самой мисс Челейн, консультировалась ли она у меня. Если нет, то вам не потребуются возвращаться. Если консультировалась, но не хочет, чтобы вы об этом знали, она, несомненно, найдет способ скрыть это. Если же она говорила со мной и ей все равно, узнаете вы об этом или нет, она вам сама обо всем расскажет. - Адвокат встал и улыбнулся посетителю, показывая тем самым, что разговор закончен.

Роберт Глиасон остался у окна. По его лицу было видно, что в нем идет внутренняя борьба.

- Вы не имеете права так со мной разговаривать, - заявил он.

- И тем не менее - разговариваю, - спокойным тоном ответил Мейсон.

- Вы не имеете права!

- Почему?

- Вы можете так объясняться с посторонним, но я таковым не являюсь. Я очень близок с Фрэн Челейн. У меня есть право знать о том, была она у вас или нет. Ее шантажируют, и я хочу выяснить, что вы предполагаете сделать.

Перри Мейсон приподнял брови.

- Кого шантажируют? Кто шантажирует?

Глиасон раздраженно взмахнул руками.

- Что вы притворяетесь? Я знаю, что она была здесь, и вы знаете, что она была здесь. Вы знаете, что ее шантажируют, а я хочу знать, что вы предполагаете сделать.

- При сложившихся обстоятельствах, я думаю, что мне стоит попросить вас покинуть кабинет, - заявил Мейсон. - Когда я пригласил вас зайти, я думал, что вы пришли проконсультироваться у меня, как у адвоката. Я очень занят и у меня нет времени обсуждать с вами тот единственный вопрос, который вас волнует.

Глиасон оставался на месте.

- По крайней мере, вы можете сообщить мне, _к_т_о_ ее шантажирует. Я хочу знать только это. Тогда я сам со всем разберусь.

Адвокат подошел к двери и открыл ее. С серьезным и достойным видом он обратился к посетителю:

- До свидания, мистер Глиасон. Мне очень жаль, что я не могу вам помочь.

- Это все, что вы собираетесь мне сказать? - закричал Глиасон с искаженным лицом.

- Да, - безапелляционно заявил Мейсон.

- Ну ладно, - рывкнул молодой человек и, не произнеся больше ни слова, широким шагом вышел из кабинета.

Перри Мейсон тихо прикрыл дверь, заложил большие пальцы рук в проемы жилета, слегка наклонил голову вперед и начал ходить из угла в угол.

Через несколько минут он подошел к письменному столу и взял в руки копию завещания Карла Челейна. Он стал читать условия учреждения траст-фонда в пользу Фрэнсис Челейн.

Он все еще изучал отпечатанный на машинке документ, когда дверь снова отворилась и в кабинет заглянула Делла Стрит.

- Мисс Челейн, - сообщила секретарша.

Мейсон задумчиво посмотрел на Деллу Стрит, а затем поманил ее рукой.

Делла Стрит вошла в кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

- Глиасон сразу же вышел в коридор? - спросил он.

- Да. Ни на секунду не задержался. Казалось, он участвует в соревнованиях по спортивной ходьбе.

- А мисс Челейн только что пришла?

- Да.

- Как ты считаешь, они могли встретиться у лифта?

Делла Стрит задумалась.

- Вполне вероятно, шеф, - наконец ответила она. - Правда, я не очень-то в это верю.

- Как выглядит мисс Челейн? Возбуждена?

- Нет. Невозмутима и хладнокровна. К тому же, пытается выглядеть как можно лучше. Достала косметичку и прихорашивается. И очень тщательно уложила волосы.

- Хорошо. Пригласи ее.

- Проходите, пожалуйста, мисс Челейн, - сказала Делла Стрит, открывая дверь в приемную.

Когда Фрэнсис Челейн оказалась в личном кабинете адвоката, секретарша тут же покинула помещение, бесшумно прикрыв за собой дверь.

- Садитесь, - предложил Мейсон.

Фрэнсис Челейн подошла к тому же креслу, в котором сидела в первый визит, опустила в него, положила ногу на ногу и с неммым вопросом посмотрела на адвоката своими темными глазами.

- Несколько минут назад здесь был Роберт Глиасон, - сообщил Мейсон, - и пытался выяснить, консультировались ли вы у меня.

- Роб очень импульсивен, - заметила Фрэн Челейн.

- Вы говорили ему, что собираетесь ко мне?

- Я упоминала ваше имя. Вы сказали ему, что я была здесь?

- Конечно, нет. Я посоветовал ему связаться с вами, если у него имеются какие-нибудь вопросы о ваших делах.

Она слегка улыбнулась.

- Робу Глиасону очень не понравится такая манера разговора, - сказала девушка.

- Она ему уже не понравилась, - ответил Мейсон.

- Я встречусь с ним и все ему объясню.

- Глиасон сказал, что вас шантажируют.

На какую-то долю секунды в глазах мисс Челейн появились удивление и ужас. Затем она снова посмотрела на адвоката спокойным, ничего не выражающим взглядом.

- Роб очень импульсивен, - повторила она.

Мейсон ждал, не скажет ли она еще что-нибудь, но она, не двигаясь, сидела на стуле и явно не собиралась предоставлять больше никакой информации.

Мейсон взял в руки документы, лежавшие у него на столе.

- У меня здесь копии завещания и решения о распределении собственности, - сообщил он. - Я также выяснил, что доверенное лицо ежегодно представляет отчеты о ведении дел. Боюсь, что надежды мало, мисс Челейн. Управление трастом ведется очень рационально. Понимаете, даже, если мне удастся добиться отмены положения, касающегося вступления в брак, как нарушения ваших гражданских прав, нам все равно придется столкнуться с тем фактом, что распределение имущества оставлено на усмотрение доверенного лица. Скорее всего, ваш дядя посмотрит на наше оспаривание завещания, как вмешательство в волеизъявление вашего отца и его собственные полномочия, как доверенного лица. Даже если мы выиграем в суде, на его усмотрение останется аннулирование нашей победы.

Девушка спокойно выслушала адвоката - даже ресница не дрогнула. Через минуту на сказала:

- Именно этого я и боялась.

- Здесь есть еще одно положение, касающееся управления доверенной собственностью, - продолжал Мейсон. - Все оставлено на личное усмотрение вашего дяди, потому что ваш отец высоко оценил его рассудительность и здравый ум. В завещании и решении о распределении собственности говорится, как в случае смерти, неспособности или отказа доверенного лица продолжить управление собственностью, весь траст-фонд безусловно переходит к вам.

- Да, я знаю.

- Поэтому имеется возможность поставить вашего дядю в такие условия, что он не сможет в дальнейшем действовать от вашего имени. Другими словами, каким-то образом оспорить его способность выступать в качестве доверенного лица - например, показать, что он смешивает траст-фонд со своими собственными счетами или что-то в этом роде. Это, конечно, только предположение, я просто упоминаю этот факт, потому что пока я не вижу другого плана компании, открытого для нас.

Она улыбнулась и со вздохом сказала:

- Вы не знаете моего дядю, мистер Мейсон.

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду, что мой дядя необычайно дотошен и осторожен, а также настолько упрям, что ничто на свете не может заставить его сойти с избранного пути или сделать то, что он не хочет делать. К тому же, он полностью независим в экономическом отношении.

В первый раз за все время разговора у нее в голосе послышались эмоции - какая-то доля горечи окрасила интонацию, хотя ее глаза и оставались спокойными.

- У вас есть какие-нибудь предположения? - спросил Мейсон, внимательно наблюдая за ней.

- Да. Я думаю, что кое-что можно сделать через Артура Кринстона.

- Это кто такой? - поинтересовался Мейсон.

- Артур Кринстон - партнер моего дяди. Они вместе занимаются бизнесом, покупают, продают, закладывают недвижимость, торгуют ценными бумагами. Артур Кринстон имеет на моего дядю больше влияния, чем кто-либо на свете.

- Как он относится к вам? - спросил Мейсон.

- Очень хорошо, - улыбнулась девушка.

- А есть шанс, что Кринстону удастся уговорить вашего дядю отказаться от управления собственностью в качестве доверенного лица и передать вам весь траст-фонд?

- Шанс всегда есть, - резким тоном ответила она, вставая. - Я попрошу мистера Кринстона встретиться с вами.

- Завтра?

- Сегодня вечером.

Адвокат взглянул на часы.

- Уже двадцать минут пятого. Я закрываю контору в пять. Конечно, я могу подождать несколько минут.

- Он будет у вас без четверти пять.

- Хотите позвонить от меня? - предложил адвокат.

- В этом нет необходимости.

- Что имел в виду Роберт Глиасон, когда заявил, что вас шантажируют?

- резким тоном спросил Мейсон, когда она уже взялась за ручку двери.

Девушка посмотрела на него огромными темными глазами.

- Понятия не имею, - с безмятежным видом ответила Фрэн Челейн и вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

Артур Кринстон оказался сорокапятилетним, широкоплечим, приветливым мужчиной. Он широким шагом протиснулся к кабинету Мейсона, протягивая руку, и громким голосом, в котором звучала уверенность и готовность помочь, заявил:

- Очень рад познакомиться с вами, мистер Мейсон. Фрэн попросила меня немедленно ехать к вам, так что я бросил все дела и кинулся сюда.

Перри Мейсон пожал руку Кринстону и осмотрел его внимательным, оценивающим взглядом.

- Садитесь, - предложил адвокат.

Артур Кринстон опустился в то же кресло, в котором сидела Фрэн Челейн, достал из кармана сигару, зажег спичку о подошву ботинка, прикурил и сквозь дым улыбнулся хозяину кабинета.

- Очень хочет замуж, правда? - усмехнулся Кринстон.

- Вы знаете об этом? - спросил Перри Мейсон.

- Конечно, - воскликнул Артур Кринстон. - Я о Фрэн знаю все.

Наверное, она в большей мере моя племянница, чем Эдварда. То есть я имею в виду, что мы с ней прекрасно ладим и понимаем друг друга.

- Как вы считаете, можно чего-нибудь добиться, если поговорить с Эдвардом Нортоном?

- Кому поговорить? - спросил Кринстон.

- Вам, например, - предложил Мейсон.

Посетитель покачал головой.

- Нет. Только один человек может побеседовать с Нортоном и добиться каких-то результатов.

- Кто?

- Вы, - многозначительно ответил Кринстон.

Выражение лица адвоката не изменилось, только в глазах появилось удивление.

- Из того, что я уже слышал о мистере Нортоне, можно сделать вывод, что мое вмешательство приведет его в негодование.

- Ни в коей мере. Эдвард Нортон - странный человек. Он не допускает, чтобы какие-либо чувства влияли на принятие им деловых решений. Он безжалостен и жесток. Он скорее будет склонен выслушать вас, говорящего только о деле и рассматривающего вопрос с правовой точки зрения, чем Фрэн или меня, где замешаны какие-то личные симпатии.

- Простите, но это звучит нелогично, - заметил Мейсон.

- Какое имеет значение то, как это звучит? - усмехнулся Кринстон. - И какое имеет значение логично это или нет? Это факт. Просто у человека такой характер. Вам придется самому встретиться с Нортоном, чтобы все уяснить.

Делла Стрит открыла дверь из приемной.

- Звонит девушка, которая была у нас сегодня после обеда. Она хотела бы поговорить с тобой, - сообщила Делла.

Мейсон кивнул и взял трубку.

- Алло!

Он услышал голос мисс Челейн на другом конце провода. Она говорила очень быстро.

- Мистер Кринстон заходил к вам?

- Да, он сейчас здесь.

- Что он сказал?

- Предлагает мне лично встретиться с вашим дядей.

- Тогда, пожалуйста, встретитесь с ним.

- Вы думаете, мне следует это сделать?

- Если так считает Артур Кринстон, то да.

- Хорошо. Завтра?

- Нет. Не могли бы вы увидеться с ним сегодня вечером?

Мейсон нахмурился.

- В деле такой важности я бы предпочел вначале обдумать лучший метод подхода к решению проблемы, - наконец сказал он.

- Но Артур Кринстон объяснит вам, как лучше действовать. Я договорюсь с дядей, чтобы он принял вас в половине девятого сегодня вечером. Я заеду за вами и отвезу в наш дом. Я буду у вас в восемь. Вас это устроит?

- Не вешайте трубку, пожалуйста, - попросил Мейсон и повернулся к Артуру Кринстону.

- Звонит мисс Челейн. Она считает, что мне следует встретиться с ее дядей сегодня вечером. Она договорится с ним.

- Прекрасно! - воскликнул Кринстон. - Мне нравится эта идея. Лучше и придумать нельзя.

- Я согласен, мисс Челейн, - сказал Мейсон в трубку. - Буду ждать вас у себя в конторе в восемь и вы отвезете меня, куда требуется.

Мейсон повесил трубку и внимательно посмотрел на Кринстона.

- Странное дело, - заметил адвокат. - Все заинтересованные лица страшно спешат.

Артур Кринстон расхохотался.

- Вы плохо знаете Фрэн, - сообщил он.

- Мне она показалась очень спокойной девушкой, умеющей держать себя в руках, - ничего не выражающим тоном сказал Мейсон.

Кринстон вынул сигару изо рта и долго смеялся.

- Мистер Мейсон, вы же должны хорошо разбираться в людях! Вы ведь прекрасно знаете, что об этих современных девушках ни в коем случае нельзя судить по их внешнему виду. Никогда не выводите ее из себя. Если она начинает злиться, то просто превращается в ведьму.

Мейсон без улыбки посмотрел на посетителя.

- Правда? - спросил он все тем же ничего не выражающим тоном.

- Не обижайтесь, - продолжал Кринстон, - но вы на самом деле неправильно оценили Фрэн Челейн. Она просто динамит! А теперь давайте обсудим планы на вечер. Я думаю, если уж вы согласились встретиться сегодня с Нортоном, то мне стоит прийти чуть раньше вас и попытаться его немного смягчить. Он - своеобразная личность. Вы все поймете, когда увидите его. Это хладнокровный, расчетливый деловой человек.

- У мисс Челейн могут возникнуть трудности, когда она будет договариваться с ним на сегодняшний вечер? - спросил Мейсон, внимательно наблюдая за собеседником.

- Нет. Он любит работать по ночам. У него офис в том же доме, где он живет. Он там частенько засиживается за полночь и большинство встреч

назначает на послеобеденное или вечернее время.

Кринстон встал с кресла, подошел к адвокату и пожал ему руку.

- Очень рад был познакомиться. Постараюсь немного подготовить Эдварда Нортона к встрече с вами.

- У вас есть какие-нибудь предложения насчет того, что мне лучше с ним обсуждать? - спросил Мейсон.

- Никаких. Единственное, что я могу вам сказать - ничего не планируйте заранее. Вы сразу же поймете, что Эдвард Нортон сам устанавливает правила игры.

Когда Кринстон ушел, Мейсон несколько минут ходил из угла в угол, затем открыл дверь и вышел из кабинета.

Офис адвокатской конторы Мейсона состоял из личного кабинета адвоката, двух приемных, библиотеки и комнаты машинистки. Делла Стрит выполняла функции и секретаря, и машинистки. Фрэн Эверли, молодой адвокат, набирался у Мейсона практического опыта. Мейсон отправился в библиотеку, где, склонившись над книгами, сидел Фрэнк Эверли.

- Фрэнк, я хочу попросить тебя об одном одолжении, причем очень надо сделать очень быстро.

Эверли отодвинул книгу в кожаном переплете и поднялся со стула.

- Да, сэр?

- Я думаю, что некий Роберт Глиасон женился на некой Фрэнсис Челейн. Я не знаю, когда произошло бракосочетание, но, возможно, несколько недель назад. Они попытались не афишировать это событие. Тебе придется просмотреть разрешения на вступление в брак. Пожалуйста, позвони в отдел, занимающийся выдачей разрешений, и попроси кого-нибудь из служащих задержаться. Они закрываются через несколько минут.

- Да, шеф, - кивнул Эверли. - Где мне вас потом искать?

- Запиши все, что выяснишь, на лист бумаги, положи в конверт, закрой его и надпиши: "Строго конфиденциально", а потом оставь под пресс-папье у меня на столе.

- Будет сделано, шеф, - сказал Эверли и направился к телефону.

Мейсон вернулся к себе в кабинет, заложил большие пальцы рук в проймы жилета и снова начал медленно расхаживать из угла в угол.

4

Фрэн Челейн прекрасно водила машину. Она очень уверенно сидела за рулем большого пикарда.

В огромном кожаном кресле в конторе адвоката она казалась маленькой, хрупкой и беззащитной. Теперь ни о какой беззащитности не могло быть и речи. Сразу же становилось видно внутренняя сила. В движениях девушки проглядывало что-то кошачье. О ее характере можно было судить так же по манере вождения автомобиля: на высокой скорости проскальзывала в открывающееся между машинами пространство, резко тормозила на красный свет и мгновенно срывалась с места на зеленый. На ее лице сохранялось недовольное, мрачное выражение. Сидя справа от нее, адвокат внимательно изучал профиль девушки.

Фрэн Челейн взлетела на холм, спустилась и вырулила на петляющий подъезд к дому, открывшемуся меж зарослей кустарника. Она кивнула вперед:

- Это здесь.

Мейсон рассматривал огромное здание, светившееся огнями.

- Какая гармоничная постройка, - заметил он.

- Да, - резким тоном ответила Фрэн Челейн.

- Много слуг? - поинтересовался Мейсон.

- Достаточно: садовник, экономка, дворецкий, шофер и секретарь.

- Вы считаете секретаря слугой? - удивился Мейсон.

- Да, - отрезала она.

- Очевидно, вы его недолюбливаете.

Она не обратила внимания на его слова, резко повернула руль. Завизжали шины.

- Кстати, если вы чем-то рассержены, то совсем не обязательно вымещать злость на автомобиле, пока в нем нахожусь я, - заметил Мейсон. - Мне может не удастся нужный жест перед присяжными в суде, если одна моя рука вдруг окажется в гипсе.

- Подумаешь, - заявила она, вписываясь в следующий поворот на еще большей скорости. - Вы можете и обеих ног лишиться.

Мейсон протянул руку и повернул ключ зажигания.

- Хватит, - сказал он.

Она резко нажала на тормоз, и повернулась к нему со сверкающими гневом глазами.

- Не смейте прикасаться к машине, когда я за рулем! - заорала Фрэн Челейн. - Вы слышите меня? Не смейте!

- Не пытайтесь рисоваться передо мной, - спокойно ответил Мейсон, - рискуя и своей, и моей жизнью. В этом нет необходимости.

- Я не пытаюсь рисоваться перед вами, - взорвалась она. - Мне плевать на то, что вы обо мне думаете. Я не хочу опаздывать. Если мы задержимся хоть на пять минут, то вообще зря приедем. Он просто нас не примет.

- От меня будет гораздо больше пользы, если я доберусь в целости и сохранности, - заметил Мейсон.

Машина стояла на дорожке. Девушка убрала руки с руля и повернулась к Мейсону.

- Я управляю этой машиной! - закричала она. - И я не хочу, чтобы вы мне мешали! - Внезапно она улыбнулась. - Простите, - импульсивно воскликнула она. - Я не права, я веду себя, как испорченный ребенок. Я просто очень спешу.

- Все в порядке, - примирительно сказал адвокат. - Но ведь у вас вспыльчивый характер, согласитесь.

- Конечно. Я думала, вы об этом знаете.

- Не знал пока Кринстон не сообщил мне.

- Он вам это сказал?

- Да.

- Ему не следовало говорить подобное.

- А моя секретарша решила, что у вас мрачный вид, - продолжал Мейсон. - Вначале я подумал, что она права, но потом понял, что нет. Вы не мрачны, вы просто в панике - вот и все. Вы выглядите мрачной, потому что напуганы.

Она снова резко повернулась. В ее глазах просквозило удивление. Так ничего и не произнеся, она перевела взгляд на дорогу и завела машину. Никто из них не сказал ни слова, пока автомобиль не остановился у крыльца.

- Нам лучше выйти здесь, - заявила она.

Мейсон открыл дверцу.

- Вы собираетесь присутствовать при разговоре? - поинтересовался он.

Она прыгнула на дорожку, сверкнув коленями, и поправила юбку.

- Я только представлю вас. Пойдемте.

Адвокат последовал за Фрэн Челейн к входной двери, которую она открыла своим ключом.

- Вверх по лестнице.

Они поднялись и повернули налево. Из одной из дверей вышел мужчина и остановился, уставившись на них. В руке он держал специально предназначенный для стенографирования блокнот, прикрепленный к твердой планке; под мышкой мужчины находились листы чистой бумаги.

- Мистер Дон Грейвс, секретарь моего дяди, - представила Фрэн. -

Мистер Перри Мейсон, адвокат.

Мейсон поклонился и заметил, что Дон Грейвс уставился на него с нескрываемым любопытством.

Секретарь оказался стройным, хорошо одетым, светловолосым мужчиной с карими глазами. В нем явно проглядывала определенная доля настороженности, словно он вот-вот собирался или вступить в разговор, или броситься бежать. И поза, и манеры указывали на физическое и нервное напряжение.

Дон Грейвс заговорил очень быстро, казалось, что слова насакаивают друг на друга:

- Очень рад познакомиться с вами. Мистер Нортон ждет вас. Пожалуйста, приходите. Он примет вас.

Перри Мейсон ничего не сказал, решив, что легкого поклона будет достаточно.

Девушка прошла мимо секретаря. Адвокат проследовал за ней. Фрэн пересекла приемную, в которой стоял стол с пишущей машинкой, сейф, несколько шкафов, забитых папками и бумагами, два телефона, счетная машинка и картотека. Не постучав, Фрэн толкнула дверь кабинета. Мейсон увидел высокого мужчину лет пятидесяти пяти, который вежливо смотрел в их сторону с ничего не выражающим лицом.

- Вы опоздали, - заметил он.

- Не больше, чем на минуту, дядя Эдвард, - ответила девушка.

- Минута состоит из шестидесяти секунд.

Она ничего не ответила, а повернулась к Мейсону.

- Это мой адвокат, Перри Мейсон, дядя Эдвард, - представила она.

Мужчина заговорил бесстрастным тоном, четко произнося каждое слово:

- Я очень рад, что ты решила обратиться за консультацией к адвокату.

Теперь мне будет легче объяснить тебе кое-какие вещи, в которые ты мне не верила на слово. Мистер Мейсон, рад познакомиться с вами, хорошо, что вы согласились заехать ко мне.

Он протянул руку. Мейсон пожал ее и сел.

- Ну ладно, я покидаю вас, - объявила Фрэн Челейн. - Мое будущее остается в ваших руках.

Она улыбнулась мужчинам и вышла из комнаты. Мейсон услышал, что она сразу же принялась что-то обсуждать с Доном Грейвсом.

Эдвард Нортон немедленно перешел к делу, не тратя ни секунды на любезности:

- Вы, несомненно, уже ознакомились с завещанием и решением о распределении собственности, не так ли? - спросил он.

- Да.

- Тогда вы должны понимать, что практически все оставлено на мое усмотрение.

- Да, очень многое, - подтвердил Мейсон.

- Как я догадываюсь, моя племянница хочет, чтобы вы добились какой-то модификации определенных положений завещания и учреждения траста?

- Совсем необязательно, - ответил Мейсон, тщательно подбирая слова. -

Она бы, как мне кажется, хотела иметь больше свободы, а также выяснить вашу реакцию на совершение ею определенных действий, если она на них решится.

- Например, на ее замужество? - спросил Нортон.

- Мы можем рассмотреть ее замужество, как одну из возможностей, - согласился Мейсон.

- Да, можем, - сухо сказал Нортон. - Этот вопрос обдумывал ее отец, когда был жив, а после его смерти многократно размышлял и я. Наверно, вы не осознаете, мистер Мейсон, что у моей племянницы абсолютно неуправляемый характер. Она просто превращается в настоящую тигрицу, если выходит из себя. Она импульсивна, упряма, своевольна, эгоистична и, в то же время, чрезвычайно мила и привлекательна. Ее отец понимал, что ее следует защищать от самой себя. Он также понимал, что, возможно, самым худшим для нее будет предоставить ей в распоряжение большую сумму денег. Он знал, что я разделяю его точку зрения, поэтому он составил завещание именно таким образом. Вы должны знать, мистер Мейсон, что если я передам деньги в благотворительные учреждения, а не моей племяннице, что в соответствии с завещанием оставлено на мое усмотрение, то сделаю это только в том случае, если посчитаю, что такая сумма принесет ей только вред. Богатство при подобном темпераменте часто приводит к страданиям.

- А вы не думаете, что будет лучше для всех заинтересованных сторон, если вы начнете приучать ее обращаться с крупными денежными суммами, постепенно увеличивая их? - дипломатично заметил Мейсон. - К тому же, не исключено, что замужество может изменить ее в лучшую сторону - сделать более уравновешенной и спокойной.

- Я слышал все эти аргументы, - возразил Нортон. - И уже устал от них. Простите, я ничего не имею против вас лично. Я просто говорю то, что думаю. Мне доверено управление этим капиталом. До сих пор я распробовал им очень разумно. Несмотря на экономические преобразования, свидетелями которых мы были на протяжении последних нескольких лет, я могу с радостью констатировать, что размер вверенных мне фондов неуклонно повышался. К настоящему времени оставленный в мое распоряжение капитал значительно вырос. Недавно я полностью лишил свою племянницу ее ежемесячного пособия. Она не получает ни цента.

Закон Мерфи

Третий закон Чизхолма. Любые предложения люди понимают иначе, чем тот, кто их вносит. Следствия.

1. Даже если Ваше объяснение настолько ясно, что исключает всякое ложное толкование, все равно найдется человек, который поймет Вас неправильно.

2. Если Вы уверены, что Ваш поступок встретит всеобщее одобрение, кому-то он обязательно не понравится.

Первый закон Финэйгла. Если эксперимент удался, что-то здесь не так..

Комментарий Эрмана к теории Гинзберга.

1. Перед тем, как улучшится, ситуация ухудшается.

2. Кто сказал, что она улучшится?

Законы Клипштейна.

1. Допустимые отклонения будут накапливаться однонаправленно с тем, чтобы причинить максимум трудностей при сборке.

2. Если по схеме трэба n деталей, на складе окажется n - 1.

3. Двигатель закрутится не в том направлении.

4. Система обеспечения надежности выведет из строя другие системы.

5. Прибор, защищаемый быстроплавким предохранителем, сумеет защитить этот предохранитель, перегорев первым.

6. После сборки на верстаке обнаруживаются лишние детали.

Универсальные законы для молодых инженеров.

1. Любая ошибка, которая может вкрасья в расчет, вкрасья.

2. Любая ошибка в расчете будет направлена на причинение как можно большего вреда.

3. Во всякой формуле константы (особенно те, что взяты из технич. справочников) должны рассматриваться как переменные.

4. Самый важный объем на диаграмме имеет шанс быть пропущенным.

5. Если опытная установка функционирует безукоризненно, все последующие будут неисправны.

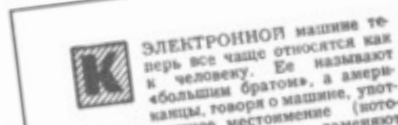
6. Все сроки обязательств по поставкам надо умножать на коэффициент 2,0

7. Любое устройство, требующее наладки и регулировки, обычно не поддается ни тому, ни другому.

8. Если за ошибку в расчете отвечает более одного человека, то виноватых не найти.

Уважаемые читатели! Да будет Вам известно, что
4 - 12 октября этого года ^{СОСТОИТСЯ}
ПЕРВЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР
на призы редакции "Бузовика"
Заявки подавать до третьего октября!

Девушка, говорящая "Че?"	Город, в котором не до сна	Предлог			6	Праздничный оркестровый. Составление с парусами	Страна	Заправка для мясного блюда
			Посмотрит-рублем..	Персонаж египетского анекдота				
Украинский мент	Ракоская девица У дачи	Совсем по-другому	Неверный супруг			Экзамен		Придонный..
Знак "Выезжай задом!"				Любимый сан		Привередливый	1 Га. На котором ничего не выросло	
			Масса, выбрасываемая вулканчиком					Мастер волшебства
	Помещение для овец Личное местоимение		Хороший улов	.. Кристи	.. недоверия			Ведущий "Авто-радио"
5				Узор			Фильм с участием В.Цоя	
	Сигурочка Глеба Самойлова Почти как зеленика		3	Рассказ Леонида Андреева		Пчелиный дом	Персонаж пьесы "Гамлет"	1
		Он был "самых честных правил.."		Смотритель египетской собаки	Наш автор			Персонаж повести братьев Вайнеров
					7		Еще один герой Греции	
			Яблоки Белый ..		2			Гриб
						Первый ход в шахматах	Позов (юрид.)	
			Рыба				.. Народа (высок.)	
Элитный, изысканный	Любимое занятие Наташи Ростовой			Герой Греции			Как зовут кошку	Сторона света
Русский поэт						Мастер свиста		Нота
								.. Балбес и Бывалый
	4	Собрание акционеров		Счастливым.	Часть набережной			Роман "... милосердия"
Балетное ..			Объявление о том, что закончился чай			Пушкин в поэзии..	Объевшийся Шрек	
Кто спросил: "Что такое хорошо?"		Герой романа Вл.Набокова					Цеплянок в дальнем магазине..	
					Предоставление сведений	Варвара - .. длинная коса		
Стихотворное произведение		Автор!				В одно.. Влетает		
		Поэт-еврей				Возглас младенца	Попугай	
"Гляжу на сизый .. И вижу чудо.."	Министерство обороны			Юм. Журнал				
		Садовая замазка		Предлог				
Занятие индусов			Поп-группа					
			Георг..					
								

--	--	--	--	--	--	--	--

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО
 ответы в следующем выпуске